
Наследница
Дома Света
18+
Дарья Коршикова

Дарья Коршикова

Наследница Дома Света

«Автор»
2026

Коршикова Д.

Наследница Дома Света / Д. Коршикова — «Автор», 2026

Она — целительница, которая привыкла спасать всех, кроме себя.Он — король, чьи тени боятся даже собственные подданные.Дариэн и Рейнар встречаются на Совете, где решается судьба мира. Она видит в нём высокомерного правителя, привыкшего, что ему не отказывают. Он видит в ней наивную девушку, которая верит, что свет может спасти всех.Но когда Малахар начинает войну, а древняя печать под королевством Рейнара разрушается, им приходится работать вместе. И чем ближе они узнают друг друга, тем яснее понимают: между ними больше общего, чем они думали.Оба несут в себе тьму. Она — ту, что зовётся неизбежностью. Он — ту, что зовётся проклятием. Оба боятся её. И оба знают, что рано или поздно им придётся выбрать между долгом и тем, что они чувствуют.

© Коршикова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Холод с Восточной гряды 7
Глава 2. Гости со всех концов 19
Глава 3. Совет 30
Глава 4. Первые уроки 36
Глава 5. Соль и песок 39
Глава 6. Секрет у водопада 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Дарья Коршикова
Наследница Дома Света

Пролог

Скорвен не был мёртвым. Он был замолчавшим.

Ветер здесь не приносил шума листвы или птичьих голосов. Он лишь гнал по выжженной земле серую пыль, которая оседала на камнях, на костях, на лицах тех, кто осмеливался смотреть на Укхар — чёрную цитадель, поднимавшуюся из мглы, как гигантский шип, вонзённый в тело мира.

Вокруг крепости, насколько хватало взгляда, стояли лагеря. Тысячи шатров, костров, знамён. Орки, гоблины, твари, которым не было названия в языках народов, населявших этот мир. Они ждали. Их взгляды были устремлены на запад — туда, где за хребтами лежали земли, которые они должны были уничтожить.

А внутри Укхара, в тронном зале, где не было окон и где сотни свечей горели ровным, немигающим пламенем, сидел тот, кто привёл их всех сюда.

Малахар, король Скорвена.

Он не выглядел как чудовище. Он выглядел как король. Высокий, широкоплечий, в доспехе из чёрной стали, покрытом гравировкой. Его лицо было спокойным, почти красивым, и только глаза выдавали его: глубокие, тёмные, без белков. В них не было ни ярости, ни безумия. Только холод.

Перед ним стоял Арсаил — эльф в тёмном плаще, с лицом, наполовину скрытым капюшоном. Когда-то он был жрецом света. Теперь он служил Малахару. И иногда, в самые тихие ночи, он всё ещё помнил, как звучали гимны в храме, которого больше не существовало.

— Мой король, — произнёс Арсаил, склоняя голову. — Западные разведчики вернулись. Свободные народы живут в своём неведении. Они не готовятся к войне.

Малахар не пошевелился.

— Они никогда не готовятся.

— Но они могут объединиться, когда узнают.

— Они уже объединялись, — ответил Малахар. — Триста лет назад. И что изменилось? Я всё ещё здесь. Я всё ещё жив. А они всё ещё боятся.

Он поднялся с трона. Его движения были медленными, но в них чувствовалась сила, которую сдерживали веками.

— Война — это шум. Крики, звон клинков, пламя. Мне не нужен шум. Мне нужна тишина.

Он подошёл к краю возвышения и посмотрел на Арсаила сверху вниз.

— Отправь Теневых гончих. Пусть найдут тех, кто может противостоять моей тьме. Я хочу знать, есть ли среди них кто-то, кто способен забрать её в себя и не умереть. Если такой найдётся — я хочу знать его имя.

— А если не найдётся?

— Тогда мы продолжим. Как всегда.

Арсаил поклонился.

— Будет исполнено.

Он уже направился к двери, когда Малахар остановил его:

— Арсаил.

— Да, мой король?

— Ты помнишь, каким был мир до того, как мы начали?

Арсаил помолчал. В его глазах мелькнуло что-то — не страх, не сомнение, скорее тень давнего воспоминания. Он помнил солнечный свет на каменных плитах храма. Помнил, как пел утренние гимны, и голос его звучал чисто, без хрипоты. Помнил, как верил, что свет сильнее.

— Я помню, что он был шумным, — ответил он наконец. — И полным боли.

— Да, — согласился Малахар. — Полным боли. И мы положим этому конец.

Он вернулся на трон и сел, снова становясь неподвижным, как статуя.

— А теперь оставь меня. Мне нужно подумать.

Арсаил поклонился и вышел. Двери закрылись, и Малахар остался один в зале, полном неподвижных свечей.

Он посмотрел на свою руку. На ней не было ни шрамов, ни морщин — только серая кожа, которую он сам выбрал много веков назад.

— Пусть боятся, — произнёс он в тишину. — Страх — это первое, что нужно, чтобы они начали понимать.

И в этой тишине не было ни печали, ни раскаяния. Только твёрдая, как камень, уверенность в собственной правоте.

А затем что-то изменилось.

Малахар замер. Его рука, лежавшая на подлокотнике трона, медленно сжалась в кулак. По залу прошла едва заметная дрожь — свечи дрогнули, пламя вытянулось, словно от невидимого сквозняка.

Арсаил, ещё не успевший закрыть за собой дверь, обернулся.

— Мой король?

Малахар не ответил. Его глаза были открыты, но смотрели не в зал. Куда-то далеко. За пределы Укхара, за хребты, за леса и реки — туда, где только что кто-то коснулся его тьмы.

И не умер.

— Она, — произнёс он наконец. Голос был ровным, но в нём появилось что-то новое. Не радость. Не гнев. Что-то более древнее и голодное. — Она коснулась.

Арсаил замер у двери.

— Кто?

Малахар медленно повернул голову. В его тёмных глазах без белков не было ни ярости, ни безумия. Только холод — и теперь в этом холоде что-то шевелилось.

— Не знаю, — ответил он. — Но она существует.

Он поднялся с трона. На этот раз движения были быстрыми, почти резкими.

— Отправь гончих. Немедленно. Пусть отыщут её раньше, чем она поймёт, что обнаружила.

Арсаил склонил голову и вышел. На этот раз он не оборачивался.

А Малахар остался стоять посреди зала, глядя на запад. И впервые за триста лет ему показалось, что тишина, которую он так любил, стала чуть менее абсолютной.

Глава 1. Холод с Восточной гряды

Талион лежал в котловине между двумя горными хребтами, укрытый от холодных ветров и от всего, что происходило за его пределами. Долина тянулась с запада на восток, и солнце, поднимаясь из-за восточных склонов, первым делом золотило водопады — их было три, и все три низвергались с разных высот, наполняя воздух ровным, низким гулом. Этот гул Дариэн слышала с детства. Он был частью её мира так же, как стук собственного сердца.

Но в последние дни даже здесь, в тишине Талиона, стало неспокойно.

Целительница заметила это раньше остальных. Не потому, что была особенно проницательной, а потому, что слишком хорошо знала лица тех, кто возвращался с границ. Она видела их каждый день в лечебном крыле: усталые, измождённые, с ранами, которые не всегда поддавались обычному исцелению. От них пахло дымом, лошадьми и чем-то ещё — тем самым холодом, который не выветривался даже после обработки травяными настоями.

Раньше такие раны привозили только с дальних рубежей — из-за восточных хребтов, где начинались выжженные земли Скорвена. Теперь — с Восточной гряды, которая считалась почти безопасной. Гряда тянулась вдоль границы Талиона: невысокие холмы, поросшие смешанным лесом, которые дозорные обходили за день. Но за последние месяцы лес там поредел, а с ним поредели и дозоры. Она слышала, как Вайрон говорил об этом с Таланом: на месте вырубленных деревьев оставались чёрные проплешины, а на тропах всё чаще находили следы, которых не оставляли ни звери, ни эльфы.

Лечебное крыло располагалось в западной части долины, у самого подножия водопада. Оно стояло особняком от главного дома — невысокое, сложенное из светлого камня, с широкими окнами, выходившими на сад. Здесь всегда пахло целебными травами, кипячёной водой и воском. В воздухе висел ровный, чуть горьковатый запах горечавки и мяты, и этот запах целительница знала лучше любого другого.

Вайрон отступил в сторону, пропуская двоих эльфов, которые осторожно несли носилки.

Дариэн почувствовала холод прежде, чем увидела рану.

Он пришёл не сквозняком из открытых дверей, не осенней сыростью, которую всегда приносил с собой ветер с восточных склонов. Этот холод шёл от носилок — плотный, недвижимый, будто в комнату внесли кусок зимней земли и положили на пол. Пламя в лампе на столике дрогнуло и присело, хотя воздух остался неподвижен.

На носилках лежал молодой эльф с тёмными волосами, слипшимися у виска. Его лицо было не бледным — бледность бывает у живых, у уставших, у теряющих кровь. Это лицо было серым, как остывший пепел, и в этой серости не оставалось ничего от того тёплого оттенка, который делает кожу кожей. Губы приоткрыты. Дыхание частое, мелкое, будто он глотал воздух и не мог им насытиться.

Правое плечо было обнажено: ткань рубахи разрезали и отбросили, и на коже, там, где должна была быть рана, зияло нечто, чему эльфийка не сразу нашла название.

Не порез. Не прокол. Не след ожога.

Плоть в этом месте словно выцвела изнутри — как старая ткань, которую слишком часто стирали. Круглое пятно размером с ладонь, серое, сухое, с чуть вдавленным центром, и от него во все стороны расходилась тонкая сеть потемневших вен — не воспалённых, не набрякших, а пустых. Так выглядит русло ручья, из которого ушла вода.

Вайрон подошёл ближе. Он держался прямо, но она заметила, как он невольно повернул голову, чтобы не смотреть на рану дольше необходимого. На его дорожном плаще засохла грязь, на костяшках правой руки темнела корка крови — не своей.

Вайрон, командир восточного дозора, был одним из немногих, кому Талан доверял настолько, чтобы отправлять с докладами лично. Дариэн знала его много лет — сурового, немногословного, с теми серыми глазами, которые, казалось, видели больше, чем говорили.

— Мы нашли его на Восточной гряде, — сказал он.

Голос был хриплым, надорванным, будто он давно не пил и слишком много говорил.

— Он отстал от дозора. Всего на несколько десятков шагов. Мы услышали крик, прибежали — тварь уже отступала в расщелину. Тварь его не ударила, Талан. Она просто протянула руку и коснулась плеча. А он начал угасать у нас на глазах.

В лечебной палате стало очень тихо.

— Я прижёг рану горечавкой, — продолжил Вайрон. — Растёр корень, промыл, закрыл. Так учат наших дозорных. Это дало нам время, но не остановило её. Язва расползается. За последние полдня она прошла от плеча до ключицы.

Талан склонился над носилками.

Он не спешил. Сначала посмотрел на лицо раненого, потом на грудь, следя за дыханием, и лишь затем протянул руку к плечу. Его пальцы остановились в волоске от края серого пятна — не коснулись, только задержались, будто он проверял, идёт ли от раны жар.

Жара не было.

Владыка Талиона медленно выпрямился. На его лице не отразилось ни испуга, ни отвращения — только губы сжались в тонкую линию, и в углах глаз залегли морщины, которых Дариэн не видела ещё утром.

— Тьма уже проникла глубже подкожного слоя, — произнёс он тихо. — Она идёт по жилам. Ещё немного, и добралась бы до сердца.

Целительница подошла вплотную.

Она видела такие раны прежде. Трижды за последние годы — и все три раза они заканчивались одинаково: только в двух случаях целители успели раньше, а в третьем пришлось закрывать умершему глаза и лгать его матери, что он не мучился.

Прикосновение некоторых тварей не оставляло яда. Яд можно вывести, выжечь, связать травами, отделить от крови. Здесь же в тело не вносили ничего чужого. Здесь у тела отнимали. Тепло. Цвет. Самую способность сопротивляться. Плоть не умирала от отравы — она забывала, что была живой.

От таких ран не помогало очищение. Нужно было вернуть то, что украли, и сделать это быстрее, чем тело согласится с потерей.

— Это ведь не первый раз, когда они подходят так близко к Талиону, — произнесла она.

Не вопрос. Утверждение.

Вайрон покачал головой.

— Не первый. За последние недели дозоры дважды сталкивались с такими тварями. Оба раза на Восточной гряде, оба раза в предрассветный час. Мы решили, что это случайность — тропа, вода, что угодно. — Он сжал челюсть. — Теперь я думаю, что они пробовали, где мы отвечаем медленнее.

Талан выпрямился окончательно. Некоторое время он смотрел в окно, за которым золотился обыкновенный осенний день, и в этом взгляде Дариэн прочла больше, чем в его словах.

— Что-то переменилось на востоке, — сказал он. — Эти твари стали смелее. И их прикосновение действует иначе, чем прежде.

Он повернулся к ней.

— Приступим. Сначала нужно понять, насколько глубоко ушла язва. Но будь осторожна, Дариэн. Это не яд. Обычные методы могут оказаться недостаточными.

Он отступил от носилок, освобождая ей место.

В комнате пахло горячим камнем, сушёной мятой и воском.

За окнами журчала вода — та самая, что вела вдоль всего лечебного крыла свою нескончаемую беседу с камнями; звук, под который Дариэн засыпала с детства и который перестала замечать примерно к сотому году жизни. Сейчас она его услышала. Так слышишь собственные шаги, когда остаёшься один в пустом доме.

На столике, накрытом чистой тканью, лежали инструменты: тонкие серебряные зонды, ножницы с загнутыми концами, иглы, моток шёлковой нити, плоская чаша для промывания. Лампа горела неровно, и её свет скользил по металлу, ложился дрожащими полосками на бледное лицо Аэрона и на серое пятно его плеча.

Дариэн вымыла руки. Вода была тёплой, и от этого контраста холод, стоявший вокруг носилок, ощутился ещё отчётливее — как ощущаешь сквозняк, только что выйдя из натопленной комнаты.

Она разложила ткань, обнажив плечо целиком, и наклонилась.

Вблизи язва выглядела хуже. Края её были не рваными, а как бы стёртыми, будто кто-то провёл по коже ластиком из пепла. Внутри серого круга кожа не блестела, не сочились сукровица, не проступала кровь. Сухая. Мёртвая раньше, чем умер её хозяин.

Тёмные вены расходились от неё четырьмя основными руслами. Одно уже пересекло ключицу и уходило под мышцу к шее.

— Горечавка, — сказала целительница, не поднимая головы. — Ты правильно сделал, что прижёг. Мы выиграли время. Сколько ты успел выиграть — узнаем сейчас.

Она промокнула края раны тёплым отваром, убрала остатки присохшего корня, отложила ткань в сторону. Затем положила ладонь на здоровую кожу рядом с поражённым участком.

Кожа под её рукой была ледяной.

Не прохладной. Не остывшей. Ледяной, как речной камень в феврале, и Дариэн невольно задержала дыхание.

Она закрыла глаза и начала говорить.

Слова древнего языка ложились одно за другим — тихо, почти шёпотом, без нажима, как ложатся камни в кладку. Это были не приказ и не заклинание в том смысле, в каком их понимают молодые ученики. Скорее напоминание. Телу напоминали, каким оно было, и просили вспомнить это самостоятельно.

Из её ладони потёк свет.

Он не вспыхнул. Он разлился — медленно, как разливается рассвет по долине, когда солнце ещё за хребтом, а верхние склоны уже золотятся. Мягкое, тёплое, живое золото прошло под её пальцами, обвело края язвы и осторожно двинулось внутрь.

Она почувствовала сопротивление сразу.

Язва не отталкивала свет. Она делала хуже — она его пила. Золото входило в серую плоть и тускнело, будто его опускали в мутную воду. Тепло уходило куда-то, не возвращаясь, и вместе с ним уходило что-то из неё самой: из плеч, из затылка, из-под рёбер.

Дариэн добавила силы.

Свет пошёл плотнее. Миллиметр за миллиметром серый круг начал светлеть по краям — не залечиваться, а наполняться, как наполняется цветом бумага, если положить её на просвет. Одно из тёмных русел, самое короткое, дрогнуло и побледнело.

Второе не двинулось.

Третье — то, что уходило к шее, — напротив, потянулось дальше, и она ощутила это как рывок под кожей, будто внутри раненого кто-то дёрнул за нить.

Аэрон выгнулся на носилках.

— Держите его, — коротко бросил Талан.

Вайрон оказался у изголовья мгновенно. Он не хватал раненого, только придавил его плечи ладонями — спокойно, точно, как делают те, кто держал раненых много раз.

— Тише, — сказал он куда-то в тёмные слипшиеся волосы. — Тише. Ты уже дома.

Целительница не слышала ни его, ни собственного голоса, продолжавшего шептать слова.

Она видела теперь только одно: тонкую тёмную линию, ползущую от ключицы вверх, и знала — если та дойдёт до шеи, дальше она уже не успеет. Не потому, что не хватит искусства. Потому что не хватит её.

Глубже.

Она направила свет глубже — не в рану, а под неё, туда, где ещё оставалось живое. Не стала вырывать тьму. Стала возвращать телу то, что у него отняли: тепло, цвет, ток крови, право быть плотью, а не пеплом.

Золото пошло волной.

Тёмное русло у шеи дрогнуло, побледнело, истончилось — и оборвалось.

Дариэн почувствовала, как что-то в её собственных руках будто разжалось. Сопротивление исчезло так внезапно, что она едва не потеряла равновесие.

Серый круг на плече порозовел.

Не залечился — рана осталась открытой, влажной, обыкновенной, но кожа вокруг неё стала кожей. Тёмная сеть исчезла, оставив после себя лишь бледные тени, как остаются тени от русел на высохшей земле. По телу Аэрона прошла судорога, и он вдруг вдохнул — глубоко, полной грудью, впервые за много часов.

Свет в её ладонях погас.

Целительница попыталась сказать, что он будет жить.

Получилось не сразу. Губы не слушались, во рту было сухо и горько, а комната вдруг оказалась слишком яркой и слишком далёкой одновременно.

— Он будет жить, — выговорила она наконец.

И осела на пол у столика, потому что ноги решили за неё.

Несколько мгновений никто не двигался.

Золотистое сияние ещё держалось на коже Аэрона — тонким слоем, как держится на стене отсвет заката, когда солнце уже ушло. Оно медленно тускнело. Вместе с ним из комнаты уходил холод: не рывком, а как уходит запах дыма, если открыть все окна.

Пламя в лампе выпрямилось и стало гореть ровно.

Вайрон выдохнул. Резко, коротко, будто всё это время держал воздух в груди и только теперь позволил себе его отпустить.

— Дариэн…

Он не договорил.

Талан успел подхватить её прежде, чем она ударилась затылком о край стола. Владыка опустился рядом на колено, одной рукой поддерживая её за плечи, другой осторожно находя пульс на шее. Его лицо оставалось спокойным, но она видела — близко, снизу, под непривычным углом, — как быстро бьётся жилка у него на виске.

— Тише, дитя. Не пытайся сразу подняться.

Он повернул голову к носилкам. Аэрон дышал ровно и глубоко, и даже серость его лица сменилась чем-то, что при хорошем свете можно было бы назвать бледностью живого.

— Ты вернула ему жизнь, — произнёс Талан после короткого осмотра. — И успела остановить язву прежде, чем она достигла сердца. Это было непросто даже для меня.

В его голосе была благодарность. Но была и другая нота, которую он не стал делать громче: удивление.

Он сам учил её врачеванию. Он знал каждую траву, которую она знала, и три сотни тех, о которых она пока только читала. Но то, что произошло сейчас, не было врачеванием в том смысле, в каком он понимал это слово последние несколько тысяч лет.

Она не вывела чужое. Она отдала своё.

Талан пока не стал говорить об этом вслух.

— Принесите воды. И что-нибудь сладкое, — распорядился он, обращаясь к целителям, столпившимся у двери. — Пусть никто не тревожит пациентку без необходимости.

— Пациентку? — Вайрон невольно усмехнулся, хотя напряжение ещё не ушло из его лица. — Боюсь, она сейчас окажется куда упрямее самого Аэрона.

Он присел возле столика, чтобы быть на одном уровне с ней. Его серые глаза всё ещё хранили тревогу, но в них появилось и что-то тёплое, живое, чего в дороге быть не могло.

— Ты спасла ему жизнь. Я не знаю, как тебя благодарить.

— Сначала дай ей прийти в себя, — мягко, но твёрдо заметил Талан.

Один из целителей тем временем осторожно поднял с пола лоскут ткани, которым была закрыта рана. Даже отделённый от тела, он выглядел неправильно: почерневший, с тусклым серым налётом, от которого хотелось отвести глаза. Ткань не гнила. Она словно высохла изнутри, как высыпают листья, если сорвать их слишком рано.

Талан посмотрел на него, и лицо его стало суровым.

— Это нельзя оставлять здесь открытым. Унесите в защищённое хранилище. Никто не должен касаться голыми руками.

— Значит, он действительно был отравлен? — спросил один из молодых эльфов у двери.

— Хуже, — ответил Вайрон. — Если бы Аэрон оставался в пути ещё немного…

Он замолчал, не желая заканчивать фразу.

И тут Аэрон пошевелился.

Его веки дрогнули, затем медленно приоткрылись. Несколько секунд он смотрел в потолок, явно не понимая, где находится и почему потолок резной. Потом повернул голову и увидел склонившегося над ним Талана.

— Где… мы?

— В Талионе, — ответил владыка. — Ты в безопасности, Аэрон. Самая страшная часть твоего испытания пока позади.

— А Дариэн? — негромко спросил Вайрон, словно проверяя, способен ли раненый его слышать.

Аэрон повернул голову в сторону эльфийки. Его взгляд остановился на ней — мутный, ещё не вполне собранный, — и в нём появилось слабое, искреннее удивление.

— Это она… помогла мне?

— Да, — ответил Талан. — И теперь ей самой необходим отдых.

Он снова посмотрел на Дариэн. В его взгляде смешались нежность и беспокойство старшего, который слишком хорошо знает цену подобного исцеления — потому что платил её сам, много раз, и до сих пор помнит каждый.

— Я хочу, чтобы ты осталась под наблюдением хотя бы несколько часов. Никаких новых пациентов. Никаких попыток доказать, что ты можешь больше, чем позволяет твоё тело.

Последние слова он произнёс чуть тише, так, чтобы услышала прежде всего она.

Вайрон поднялся, уступая место целителям, которые принесли воду и приготовили кушетку у окна.

— Я останусь здесь, пока Аэрон окончательно не придёт в себя, — сказал он. Затем добавил с привычной теплотой: — А когда ты немного восстановишься, Дариэн, мне придётся рассказать тебе, что именно произошло на Восточной гряде. Боюсь, это история, которая тебе не понравится.

Талан бросил на него долгий взгляд.

— Полагаю, она не понравится никому из нас.

За окнами Талиона продолжал течь осенний день.

По каменной дорожке прошёл кто-то из слуг с корзиной белья; вода в чашах фонтана переливалась через край, и этот звук — обыкновенный, домашний, ничем не примечательный — вернулся в комнату вместе с ровным дыханием спасённого.

Аэрон был жив. Почерневшая ткань лежала в запертом хранилище. За восточными склонами кто-то очень терпеливо проверял, где отвечают медленнее.

А Талан, прежде чем отойти к носилкам, на мгновение задержал взгляд на золотистых следах света, ещё едва заметных на пальцах Дариэн.

Он видел многое за долгие века.

Но то, что произошло сегодня, заставило его задуматься.

Целительница ещё не знала, что этот день станет первым из многих.

***

В дверях больничной палаты появилась Тирэль. Молодая служанка Дариэн обеспокоенно смотрела на свою госпожу и охнула.

— Госпожа Дариэн, да как же так? Вы совсем не бережете себя! — Тирэль подоткнула одеяло и пощупала лоб. — Работаете без устали!

Талан чуть заметно улыбнулся, услышав знакомый укор.

— Рад видеть, что хотя бы кто-то в этом доме способен убедить Дариэн позаботиться о себе, — заметил он, поправляя край одеяла. — Мои наставления, по-видимому, обладают весьма ограниченной целительной силой.

— Владыка! — Вайрон с притворным возмущением поднял брови. — Вы несправедливы. Насколько я помню, в детстве она умудрялась спорить с вами даже тогда, когда вы были совершенно правы.

— Вайрон, — негромко предостерег Талан.

— Молчу.

Следующие несколько секунд он действительно молчал. Почти.

— Но я всё-таки считаю, что Тирэль следует выдать полномочия запрещать нашей драгоценной целительнице работать сверх меры.

Тирэль, всё ещё стоявшая возле постели, бросила на командира дозора благодарный взгляд. Судя по её выражению лица, предложение пришлось ей по душе.

— Вот именно! — подхватила она. — Хоть кто-то меня понимает. Я ведь не первый день говорю, что госпоже необходимо отдыхать. А она то в лечебнице пропадает, то за книгами сидит до глубокой ночи…

Талан кашлянул, скрывая улыбку.

— Тирэль, полагаю, теперь у тебя есть прекрасная возможность проследить, чтобы твоя госпожа выполнила мои распоряжения. Я должен вернуться к Ольвару. Его рассказ о случившемся на Восточной гряде может оказаться важнее, чем мы предполагаем.

При упоминании Ольвара лицо владыки вновь стало серьёзным.

Он поднялся, но у двери остановился и оглянулся.

— Дариэн, я хочу поговорить с тобой позже. Не о твоём самочувствии — хотя и об этом тоже. — Его взгляд на мгновение скользнул к металлической чаше, которую уже уносил один из целителей. — Я хочу понять, каким образом тебе удалось противостоять этой тьме. Не всякий целитель способен вытянуть её из живого тела, не позволив ей распространиться дальше.

В его голосе не было подозрения. Только осторожность и глубокая задумчивость.

— Но разговор подождёт.

Талан покинул палату, и Вайрон последовал за ним, предварительно бросив на Дариэн ободряющий взгляд.

— Отдыхай. Я навещу тебя позже. И да, — добавил он уже из коридора, — я обещал Тирэль не помогать тебе сбегать обратно к пациентам.

— Ты ничего подобного не обещал! — донёсся голос Тирэль.

— Тогда считаем, что обещал теперь!

Его шаги затихли в коридоре.

В палате стало спокойнее. За открытым окном шумел водопад, а солнечный свет ложился на светлое покрывало мягкими золотыми полосами. Тирэль поправила подушку и придирчиво оглядела свою госпожу, словно пыталась определить, не скрывает ли та ещё какую-нибудь травму.

— И даже не думайте говорить, что с вами всё в порядке, госпожа, — строго произнесла она. — Я прекрасно знаю, как вы выглядите после того, как отдаёте целительству больше сил, чем следует.

Она придвинула к постели небольшой столик, на котором стояли чашка тёплого травяного настоя и тарелка с мёдом и мягким хлебом.

— Вот. Сначала выпьете это. Потом поедите. А дальше посмотрим.

Тирэль села рядом, и строгость её лица наконец смягчилась.

— Вы ведь нас всех напугали…

Она не стала добавлять ничего больше. Просто осталась рядом, внимательно следя за Дариэн, пока за стенами лечебного крыла Талион продолжал жить своей размеренной жизнью, ещё не зная, насколько скоро покой долины будет нарушен новыми событиями.

***

В палату ворвалась Селена — безумно обеспокоенная, стремительная, словно осенний ветер. Она села на кровать рядом с Дариэн.

— Дэй! Я слышала, что ты сделала с раной Аэрона. Дорогая, как ты себя чувствуешь?

Селена появилась так стремительно, что Тирэль едва успела убрать с края постели чашку с настоем.

— Принцесса, осторожнее! — вырвалось у неё, когда Селена опустилась на кровать рядом с Дариэн. — Ей нужен покой, а не ещё одна буря в лечебной палате!

— Тирэль, прости, — Селена даже не повернула головы. Всё её внимание было приковано к подруге.

Она взяла Дариэн за руку и внимательно всмотрелась в её лицо. На прекрасных чертах дочери Талана читалась неподдельная тревога. Селена знала Дариэн с детства — и слишком хорошо понимала, что за внешним спокойствием целительницы порой скрывалось полное истощение.

— Я узнала от отца, что случилось с Аэроном. Он сказал, что ты вытянула из него эту тьму собственными силами…

Селена на мгновение замолчала. Её пальцы чуть крепче сжали руку подруги.

— Дэй, это ведь было невероятно опасно. Ты могла пострадать сама. Отец не стал рассказывать подробностей, но я видела его лицо, когда он вышел из лечебного крыла. Он был напуган.

Последние слова она произнесла тише.

Затем Селена придвинулась ближе и обняла Дариэн за плечи — осторожно, чтобы не причинить ей неудобства.

— Я знаю, что ты не могла оставить его без помощи. И я горжусь тобой, правда. Но ты не обязана каждый раз отдавать всё до последней капли сил, чтобы спасти кого-то.

Тирэль, стоявшая у столика, одобрительно кивнула.

— Вот! Именно это я и пытаюсь объяснить госпоже с самого утра!

Селена наконец взглянула на служанку, и на её лице появилась слабая улыбка.

— Тогда сегодня мы будем на одной стороне, Тирэль.

— Наконец-то в этом доме нашёлся человек, который меня понимает.

— Я всё слышу, — негромко произнесла Селена, вновь поворачиваясь к Дариэн. — И, между прочим, я не собираюсь читать тебе нотации. По крайней мере, долго.

В её глазах мелькнула знакомая озорная искорка — та самая, что появлялась всякий раз, когда они в детстве задумывали какую-нибудь проделку, а потом пытались убедить Талана, что всё произошло совершенно случайно. Но улыбка быстро сменилась нежностью.

— Скажи мне только одно, Дэй. Ты действительно чувствуешь себя лучше? Или снова собираешься уверять нас всех, что можешь встать и вернуться к работе?

Селена ждала ответа, не отпуская руки подруги. За окном журчали воды Талиона, и впервые за последние часы в палате снова ощущалось тепло обычной, мирной жизни — той, которую обе они привыкли считать чем-то само собой разумеющимся.

— Я в порядке, правда, — прокашлялась Дариэн. — Вы носитесь со мной, как с писаной торбой.

Эльфийка улыбнулась.

Селена несколько секунд смотрела на Дариэн, а затем театрально закатила глаза.

— Как с писаной торбой? Ах, прости нас за то, что мы осмелились беспокоиться о драгоценнейшей целительнице Талиона, которая только что едва не свалилась в обморок, спасая незнакомого ей эльфа!

Она попыталась сохранить серьёзное выражение лица, но уголки губ предательски дрогнули.

— Знаешь, Дэй, иногда мне кажется, что ты и отец нашли друг друга именно потому, что оба совершенно не умеете заботиться о себе. Только он хотя бы делает вид, что отдыхает, когда я ему об этом говорю.

— Принцесса, вы несправедливы к владыке, — вставила Тирэль, поправляя одеяло. — Он хотя бы иногда слушается.

Селена медленно повернула к ней голову.

— Иногда?

— В исключительно благоприятных обстоятельствах.

Селена рассмеялась — легко, звонко, и напряжение, сковывавшее её плечи, наконец немного ослабло. Она снова посмотрела на подругу и убрала русую прядь с её лица.

— Вот теперь я узнаю свою Дэй. Если ты способна язвить, значит, положение не настолько ужасное, как я вообразила по дороге сюда.

Она помолчала, а затем чуть понизила голос:

— Но я всё равно испугалась. Когда отец сказал, что ты отдала столько сил, чтобы вытянуть эту тьму… — Селена на мгновение отвела взгляд. — Я знаю, на что ты способна. Наверное, именно поэтому и боюсь. Ты всегда можешь больше, чем остальные от тебя ожидают, и порой забываешь, что у тебя тоже есть предел.

Тирэль поставила чашку с настоем поближе к постели.

— Вот именно. И раз уж госпожа Дариэн теперь совершенно здорова, — подчеркнула она с таким выражением, будто не верила ни одному своему слову, — то ей не составит труда выпить всё до последней капли.

— Тирэль, ты безжалостна, — вздохнула Селена.

— Я предана своему делу, принцесса.

Селена улыбнулась и снова устроилась рядом с Дариэн, подобрав под себя ноги.

— Ну что ж, раз тебя пока не отпускают обратно к пациентам, придётся развлекать тебя разговорами. У меня накопилось столько новостей, что отец наверняка предпочёл бы отправить меня на другой конец мира, лишь бы я не начала рассказывать их за ужином.

Она заговорщически наклонилась к подруге.

— Кстати, Ольвар снова здесь. И, судя по тому, как он разговаривал с отцом, дело гораздо серьёзнее, чем просто ранение одного разведчика. Малахар перешёл границы, и это уже не слухи. Отец созывает Совет. Прибудут все — из Айлирэн, из Миртона, из Железного чертога, даже из Карадрона и Рейтвальда.

Она сделала паузу, и в её голосе появилась едва заметная горечь.

— Хотя, признаться, я не уверена, что они приедут.

Дариэн подняла на неё глаза.

— Почему?

— Потому что мы слишком долго жили каждый сам по себе, — ответила Селена. — Торговые связи — да, были. Но тёплых чувств между нами никогда не водилось. Гномы до сих пор не простили эльфам старые обиды. Люди Карадрона смотрят на всех свысока. Рейтвальдцы не доверяют никому, кроме своих коней. А Миртон… — она чуть поморщилась, — Ориандр пришлёт сына, но я не удивлюсь, если он сделает это только для того, чтобы показать, что он всё ещё жив.

Она вздохнула.

— Отец надеется, что они приедут. Но я знаю, что многие явятся только для того, чтобы послушать, а потом уехать и сказать, что это не их война.

За окном ветер прошелестел листвой. Где-то в глубине дворца послышались голоса слуг, а затем — далёкий звук закрывающихся дверей.

Селена снова повернулась к подруге, и её улыбка стала мягче.

— Но пока ты здесь, я намерена пользоваться каждой минутой. Так что рассказывай, Дэй: ты хоть ела сегодня до того, как решила совершить очередное чудо?

Девушка выпила все до последней капли и благодарно протянула тарелку Тирэль.

— Тирэль, ты моя спасительница. Не знаю, что бы я без тебя делала.

Дариэн встала с кровати и поправила платье.

— Лучше расскажи мне, какие у нас новости?

— Отец сказал, что завтра прибывают гости. Много гостей, и нам нужно готовиться к ужину. Кстати, я сшила для тебя платье, — отозвалась Селена.

Тирэль с торжествующим видом приняла пустую тарелку.

— Вот видите, госпожа? Когда вы хотите, вы вполне способны быть разумной. Осталось научиться делать это без предварительного обморока.

— Тирэль! — укоризненно рассмеялась Селена.

— Что? Я же похвалила её!

Служанка унесла посуду, но перед уходом всё же бросила на Дариэн внимательный взгляд, явно намереваясь вернуться с проверкой через четверть часа.

Когда Дариэн поднялась с постели, Селена смерила её взглядом с головы до ног.

— Я знала, что ты не пролежишь спокойно и часа. Хотя, признаться, надеялась хотя бы на полдня.

Она тоже встала, разгладила складки своего платья и при упоминании завтрашних гостей оживилась.

— О, Дэй, если бы ты знала! Отец принимает посланников из разных уголков мира. Приедут представители эльфийских владений, несколько людей с Севера… и, кажется, гномы тоже прислали своего представителя. А Ольвар утверждает, что встреча имеет гораздо большее значение, чем обычный дипломатический приём.

Селена сделала небольшую паузу, словно решая, стоит ли делиться следующим.

— Но самое интересное — среди прибывающих будет принц Миртона.

Она произнесла это с едва заметной улыбкой.

— Амрис, сын Ориандра.

Имя прозвучало спокойно, но в глазах Селены промелькнуло любопытство.

— Я слышала о нём немало. Говорят, он прекрасный лучник, искусный воин и… — она выдержала выразительную паузу, — весьма высокого мнения о себе. Впрочем, полагаю, это не такая уж редкость среди принцев.

Селена тихо рассмеялась и подошла к большому дорожному сундуку, стоявшему возле стены.

— А теперь самое важное. Твоё платье!

Она подняла крышку и достала свёрток, бережно завёрнутый в тонкую ткань. Развернув её, Селена продемонстрировала платье из глубокого сине-зелёного шёлка. Ткань переливалась оттенками морской волны и хвойной зелени, а тонкая серебряная вышивка по лифу и рукавам напоминала переплетение ветвей и звёздных лучей. Пояс был украшен мелкими жемчужинами, а длинные рукава заканчивались полупрозрачными манжетами.

— Я выбрала этот цвет, потому что он будет прекрасно сочетаться с твоими глазами, — объяснила Селена, осторожно расправляя ткань. — А серебряная вышивка напоминает узоры, которые твоя мать носила на семейных праздниках. Помнишь?

Её улыбка стала немного лукавой.

— И, раз уж завтра в нашем доме соберётся столько знатных гостей, я решила, что моя дорогая подруга должна выглядеть так, чтобы её заметили даже те, кто обычно замечает только собственное отражение.

Селена многозначительно посмотрела на Дариэн.

— Например, некоторые принцы.

Она выдержала паузу, а затем невинно добавила:

— Разумеется, я говорю исключительно о дипломатических целях.

За окнами уже начинал золотиться вечер. В коридорах дворца слуги обсуждали приготовления к завтрашнему ужину, а из дальнего крыла доносились звуки арфы.

Селена подошла ближе, всё ещё держа платье в руках.

— Ну? Примеришь? И ещё, Дэй… — Она понизила голос, словно собиралась доверить подруге государственную тайну. — Если завтра кто-нибудь из этих высокородных гостей окажется невыносимо самодовольным, обещай мне хотя бы не исправлять его характер целительскими методами.

В её глазах заплясали озорные искорки.

— По крайней мере, не за праздничным столом.

Через несколько часов Дариэн направилась в свои покои — конечно же, в сопровождении Селены и Тирэль.

— Готова к примерке? — сказала девушка, и Тирэль помогла ей надеть сшитое Селеной платье.

— О, боги! Селена, оно прекрасно!

Селена, до этого с волнением наблюдавшая за тем, как Тирэль расправляет складки ткани, замерла на мгновение. Затем её лицо озарилось довольной улыбкой.

— Я знала! Я просто знала, что оно тебе подойдёт!

Она обошла Дариэн, оценивая платье со всех сторон, и осторожно поправила серебряную вышивку на плече.

— Посмотри, как ложится ткань. И этот оттенок… Совершенно точно стоило потратить столько вечеров на вышивку.

— А ещё три иглы, — невозмутимо добавила Тирэль, проверяя посадку пояса. — Госпожа Селена проткнула пальцы трижды и каждый раз утверждала, что это последний раз, когда она берётся за шитьё.

— Тирэль!

— Я всего лишь сообщаю исторические факты, принцесса.

Селена бросила на служанку возмущённый взгляд, но тут же рассмеялась. В свете нескольких свечей платье действительно выглядело великолепно: глубокий сине-зелёный шёлк мягко подчёркивал силуэт, серебряные нити вспыхивали при каждом движении, а жемчужный

пояс придавал наряду благородную завершённость. Это было не просто красивое платье для ужина — оно подходило дочери древнего рода, выросшей среди знати Талиона.

Селена подошла к зеркалу рядом с Дариэн и некоторое время молча рассматривала отражение.

— Знаешь, — наконец произнесла она мягче, — иногда я забываю, что мы уже не те девочки, которые убегали в сады, чтобы избежать уроков этикета. А потом вижу тебя в таком платье и понимаю, что завтра некоторые гости будут очень удивлены.

Она лукаво улыбнулась.

— Особенно если рассчитывают, что в лечебном крыле Талиона работают исключительно скромные девушки в простых передниках.

— Госпожа Дариэн и в простом платье сумела бы заставить половину дворца прислушиваться к себе, — заметила Тирэль, закрепляя последнюю застёжку. — А теперь, когда она выглядит как настоящая леди своего дома, нам останется только проследить, чтобы она не забыла о причёске и украшениях.

Селена задумчиво приложила палец к губам.

— Волосы я бы оставила распущенными, но убрала бы несколько прядей у висков серебряными заколками. И, пожалуй, тонкая цепочка с лунным камнем. Ничего слишком вычурного — платье само по себе достаточно выразительное.

Она отошла на шаг и удовлетворённо кивнула.

— Вот так. Завтра ты будешь представлять не только себя, Дэй, но и свой дом. И я хочу, чтобы ты чувствовала себя в этом наряде именно так, как заслуживаешь.

За окнами уже сгущались сумерки. В коридоре прошли слуги, неся на серебряных подносах свечи для вечернего освещения. Издалека донеслись голоса распорядителей, обсуждавших размещение прибывающих гостей.

Селена повернулась к подруге, и её улыбка снова стала озорной.

— А теперь скажи мне честно: ты ведь понимаешь, что завтра тебе придётся танцевать хотя бы один раз? Отец не позволит нам провести дипломатический ужин, не показав гостям гостеприимство Талиона.

Она чуть наклонила голову.

— И если принц Миртона действительно так самоуверен, как о нём говорят, мне ужасно интересно, сумеет ли он хотя бы раз за вечер удивиться чему-то, кроме собственного превосходства.

Тирэль тихо фыркнула, пряча улыбку.

— Боюсь, принцесса, завтра нам всем будет на что посмотреть.

Селена ничего не ответила, но в её глазах уже читалось предвкушение завтрашнего вечера. Она ещё раз оглядела Дариэн в зеркале, после чего удовлетворённо поправила серебряную заколку на столике.

— Вот теперь всё. Хотя, признаться, мне стоило ожидать, что ты вырастешь такой красавицей. Помню, как ты в детстве пыталась тайком надевать мои украшения, а потом уверяла отца, что совершенно случайно нашла их в саду.

Она улыбнулась с той особенной нежностью, которая появлялась у неё всякий раз, когда речь заходила о детстве Дариэн.

— Ты тогда была совсем крошечной. И ужасно упрямой. Пожалуй, с тех пор изменилось не так уж много.

— Принцесса, если вы продолжите рассказывать подобные истории, госпожа Дариэн никогда больше не позволит вам выбирать ей наряды, — заметила Тирэль, собирая оставшиеся булавки.

— Напротив! Я считаю, что такие воспоминания укрепляют дружбу.

Селена произнесла это с совершенно невинным видом, но в глазах её плясали искорки.

Затем она подошла к окну. Над садами Талиона уже сгущались сумерки, и первые фонари загорались вдоль извилистых дорожек.

— Кстати, о завтрашнем вечере. Отец попросил меня помочь с размещением гостей. Похоже, прибудут не только посланники, но и несколько представителей знатных эльфийских домов. Ольвар настаивает, что встреча должна пройти без лишней помпезности, но ты же знаешь отца: если дело касается безопасности Средиземья, он не станет пренебрегать ни одной возможностью.

Селена обернулась.

На мгновение её лицо стало серьёзным. За стенами долины мир менялся, и даже самые прекрасные залы Талиона не могли навсегда укрыть их от надвигающейся опасности.

Но затем Селена вновь улыбнулась Дариэн.

— Впрочем, сегодня вечером мы не станем думать о войне. Ты достаточно потрудилась за день. Я распоряжусь, чтобы нам принесли ужин сюда, и мы сможем спокойно поговорить.

— А я прослежу, чтобы госпожа действительно поужинала, — немедленно добавила Тирэль.

— Вот видишь, Дэй? — Селена рассмеялась. — У тебя теперь целых две надзирательницы.

Она подошла к подруге и ласково коснулась её щеки. Селена прекрасно понимала, что Дариэн уже давно не ребёнок, которого нужно вести за руку по дворцовым коридорам. И всё же в её взгляде оставалась та нежность старшей, которая помнила девочку, когда-то бегавшую за ней по садам Талиона.

Глава 2. Гости со всех концов

Утро в Талионе началось с суеты.

Дариэн проснулась рано — раньше, чем обычно. За окном ещё стоял серый предрассветный сумрак, а в коридорах дворца уже слышались шаги слуг, звон посуды и приглушённые голоса распорядителей. Долина готовилась к приёму гостей.

Она лежала в постели, глядя в потолок, и прислушивалась к знакомым звукам. Водопады гудели ровно, как всегда, но к их привычному шуму примешивалось что-то новое — суета, которая бывает только перед большими событиями. В открытое окно тянуло холодной сыростью и запахом дыма: во дворе уже разжигали жаровни, чтобы встречать гостей.

В дверь постучали.

— Входи, — отозвалась Дариэн.

На пороге появилась Тирэль с подносом. На нём стояли чашка горячего настоя, тарелка с хлебом и сыром, а также небольшой кувшин с водой.

— Доброе утро, госпожа, — произнесла служанка, ставя поднос на столик. — Я подумала, что вы захотите позавтракать до того, как начнётся... это всё.

Она махнула рукой в сторону коридора, откуда доносились голоса.

— Что, уже прибывают? — спросила Дариэн, садясь в постели.

— Первые гости уже у ворот. Гномы Брандура приехали ещё до рассвета — судя по тому, как они гремят, они привезли с собой не только подарки, но и половину своей кузницы. А из Миртона прибыл принц Амрис со свитой. — Тирэль понизила голос. — И ещё, госпожа, владыка Талан с самого рассвета заперся с Ольваром в кабинете. Говорят, старый волшебник привёз какие-то дурные вести с востока.

Дариэн взглянула на служанку.

— Дурные вести?

— Слуги шепчутся, что Ольвар не спал всю ночь и что-то писал при свече. Но точно никто не знает. Говорят только, что он выглядел очень серьёзным.

Дариэн вздохнула и откинула одеяло.

— Тогда не будем терять время. Принцесса Селена уже встала?

— Да, госпожа. Она ждёт вас в малой галерее.

***

Селена стояла у окна, глядя на внутренний двор. Когда Дариэн вошла, она обернулась, и на её лице появилась смесь тревоги и любопытства.

— Доброе утро, — произнесла Дариэн, подходя ближе. — Тирэль сказала, что ты хотела меня видеть.

— Хотела, — подтвердила Селена. — И, поверь, не зря.

Она жестом пригласила Дариэн подойти к окну. Внизу, во дворе, уже собирались гости. Слуги разгружали повозки, конюхи уводили лошадей, а распорядители встречали прибывающих.

— Смотри, — сказала Селена, указывая на группу гномов, которые стояли чуть в стороне от остальных. — Брандур привёл с собой почти тридцать гномов. Тридцать. На Совет. Это не просто делегация. Это заявление.

Дариэн посмотрела на неё.

— Заявление?

— Гномы редко приходят в Талион с такой свитой. Обычно они присылают пару представителей, чтобы обсудить торговлю и уйти. А сейчас... — Селена покачала головой. — Они хотят показать, что готовы говорить. Но и то, что готовы защищаться.

Она перевела взгляд на другую группу — эльфов в зелёных плащах, которые только что въехали в ворота.

— А вот и Миртон. Амрис, сын Ориандра. Приехал с небольшим отрядом, но, судя по тому, как он держится, это не просто вежливость.

Дариэн проследила за её взглядом. Молодой эльф со светлыми волосами спешился и передал поводья слуге. Он держался прямо, уверенно, и в его осанке было что-то, что говорило: он привык, что его слушают.

— Он выглядит... — начала Дариэн.

— Самоуверенным? — подсказала Селена. — Да. Говорят, он хороший воин. И хороший лучник. Но, как и все принцы, слишком высокого мнения о себе.

Она помолчала, а затем добавила:

— Но это не самое интересное. Смотри, кто ещё прибыл.

Она указала на небольшую группу всадников, которые въехали в ворота следом за Миртоном. На их знамёнах был герб Карадрона — белое солнце на красном фоне.

— Люди Карадрона, — произнесла Дариэн.

— Да, — подтвердила Селена. — И, судя по их лицам, они не слишком рады быть здесь.

Дариэн посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что Карадрон веками считал себя оплотом цивилизации. Они привыкли, что все остальные — варвары. А теперь им приходится сидеть за одним столом с гномами, эльфами и всадниками Рейтвальда. — Селена усмехнулась. — Это будет интересный ужин.

Она отошла от окна и повернулась к Дариэн.

— И ещё. Отец сказал, что среди гостей будет принц Килиан из Редрейда. Ты о нём слышала?

Дариэн покачала головой.

— Немного. Редрейд — древнее королевство на севере. Но оно давно уже не то, что прежде.

— Именно, — согласилась Селена. — Килиан — наследник, но его королевство переживает не лучшие времена. Говорят, он провёл много лет в скитаниях, прежде чем вернуться домой и принять титул. — Она помолчала. — Интересно, каким он окажется. Принц, который предпочитает меч и дорогу дворцовым залам, — это редкость.

Дариэн кивнула.

— И что мы будем делать?

— Мы будем вести себя как подобает хозяйкам. Улыбаться, быть вежливыми и не показывать, что мы замечаем их настороженность. — Селена взяла её под руку. — А вечером, когда начнётся ужин, мы посмотрим, кто из них готов говорить, а кто просто пришёл поесть за чужой счёт.

Она улыбнулась, но в её глазах оставалась тревога.

— Мы просто должны быть собой. А остальное... — она улыбнулась, — остальное приложится.

***

К вечеру Большой зал преобразился.

Вдоль стен зажгли высокие серебряные канделябры, между колоннами протянули гирлянды из живых ветвей и поздних осенних цветов. Длинные столы накрыли белыми скатертями, на них сверкало серебро и хрусталь. В воздухе пахло воском, вином и пряностями. В дальнем конце зала музыканты настраивали арфы и флейты, а слуги разносили первые кубки.

Гости уже собирались. Гномы Брандура заняли места у дальнего стола, рядом с ними расположились несколько эльфов из Миртона. Люди Карадрона держались особняком, у про-

тивоположной стены. В воздухе висела настороженность — не вражда, но холодок, который бывает, когда за одним столом собираются те, кто привык не доверять друг другу.

Талан стоял у возвышения, беседуя с Ольваром. Волшебник выглядел усталым, но его глаза оставались острыми. Время от времени он поглядывал на гостей, словно оценивая каждого.

Когда Дариэн и Селена вошли, разговоры на мгновение стихли. Несколько голов повернулись в их сторону. Дариэн заметила, как Амрис, стоявший рядом с отцом, посмотрел на неё с любопытством. И как люди Карадрона скользнули по ней взглядом — быстрым, оценивающим.

На Селене было платье цвета ночного неба, расшитое серебряными звёздами. Её тёмные волосы были собраны в изящную причёску, а тонкая диадема подчёркивала благородные черты лица. Она выглядела спокойной и величественной — дочерью Талана, привыкшей к вниманию и придворным церемониям.

Дариэн сопровождала её в платье из глубокого бирюзового шёлка, украшенном серебряной вышивкой, напоминавшей переплетение ветвей и звёзд. Жемчужный пояс мягко подчёркивал линию талии, а длинные русые волосы оставались распущенными, удерживаемые у висков серебряными шпильками. Лунный камень у горла ловил свет свечей при каждом движении.

Несколько гостей обернулись, приветствуя Селену, другие задержали взгляд на Дариэн, узнавая дочь старинного эльфийского рода и целительницу, о которой в доме Талана говорили с особым уважением.

Талан заметил их первыми.

Его лицо смягчилось.

— Мои дорогие, — произнёс он, подходя навстречу. — Рад видеть вас обеих. Надеюсь, вечер не покажется вам слишком утомительным.

— Если ты не собираешься произносить приветственную речь длиной в три часа, отец, то у нас есть все шансы пережить его достойно, — ответила Селена.

— Я польщён твоим доверием, — невозмутимо сказал Талан.

Ольвар негромко рассмеялся.

— Не обольщайся, Талан. Она просто хорошо тебя знает.

Селена обняла отца, а затем позволила ему поцеловать себя в лоб. После этого она обменялась с Ольваром тёплым приветствием.

— Ты выглядишь так, словно опять принёс нам новости, от которых никто не станет спать спокойно, — заметила она.

— У меня удивительный талант появляться именно тогда, когда люди собираются спокойно поужинать, — ответил волшебник. — Но сегодня я постараюсь хотя бы дать вам сначала поесть.

— Тогда ты уже заслужил мою благодарность.

Пока они разговаривали, Амрис стоял чуть поодаль рядом с Брандуром. Их беседа, судя по выражению лица гнома, была не вполне мирной.

— …а потому я по-прежнему считаю, что гномам следует позволить свободно проходить через лес, — говорил Брандур. — Мы не обязаны каждый раз доказывать, что не собираемся рубить ваши деревья.

— А я по-прежнему считаю, что путники должны соблюдать законы тех земель, через которые проходят, — спокойно отвечал Амрис. — Это не слишком высокая цена за гостеприимство.

— Если ваши стражи перестанут направлять стрелы на каждого гнома, который свернул не на ту тропу, мы могли бы даже согласиться!

— Если гномы перестанут сворачивать на тропы, отмеченные предупреждающими знаками, мои стражи смогут отдохнуть.

Брандур открыл рот, явно готовясь возразить, но заметил приближающихся Селену и Дариэн и решил отложить спор. Амрис, услышав шаги, повернулся.

Его взгляд сначала остановился на Селене — они были давно знакомы, но длительное время не виделись, — а затем перешёл к её спутнице.

На лице принца не отразилось заметного удивления, однако он задержал взгляд на Дариэн на долю секунды дольше, чем требовали обычные правила вежливости. Вероятно, он узнал её по описаниям, но личная встреча всё же отличалась от рассказов.

Селена едва заметно улыбнулась.

— Амрис, полагаю, вы ещё не знакомы лично. Это Дариэн, дочь Эрестора и Мириэль. Мы выросли вместе.

Принц повернулся к ним. Сначала он обменялся с Селеным коротким приветствием, а затем обратил внимание на её спутницу.

— Госпожа Дариэн, — произнёс он, склонив голову. — Наконец-то представилась возможность познакомиться. Мне доводилось слышать о вашей семье. Эрестор считается уважаемым эльфом, а ваша мать Мириэль славится своей добротой и мудростью.

Он говорил учтиво, без излишней теплоты, но и без снисхождения. Как принц, обращавшийся к представительнице древнего эльфийского рода, он соблюдал все необходимые формальности.

Дариэн ответила на приветствие.

— Надеюсь, Талион встретил вас гостеприимно, принц Амрис.

— Весьма. Лорд Талан всегда радушен к своим гостям.

Он слегка повернул голову в сторону хозяина дома, беседовавшего неподалёку с Ольваром.

— Хотя, полагаю, сегодня у него найдётся немало более важных забот, чем развлекать прибывших из Миртона.

— В таком случае вам повезло, что у него есть дочь, — с лёгкой улыбкой заметила Селена. — Она умеет поддерживать беседу не хуже отца, а иногда даже бывает снисходительнее к гостям.

— Селена, — мягко одёрнула её Дариэн, хотя улыбка выдавала, что замечание подруги её не смутило.

Амрис выразительно посмотрел на принцессу.

— Я постараюсь не злоупотреблять этим преимуществом.

Затем он вновь обратился к Дариэн:

— Мне говорили, что вы посвятили себя целительству. Это достойное занятие, особенно в нынешние времена.

— И необходимое, — ответила Дариэн. — Хотя я надеюсь, что сегодня нам не придётся проверять мои умения на практике.

— В этом наши желания совпадают, госпожа Дариэн.

Он произнёс это серьёзно и больше не стал расспрашивать её о работе. Их знакомство только начиналось, и Амрис, судя по всему, предпочитал не торопить разговор.

Большой зал постепенно наполнялся голосами. Когда последние гости заняли места, Талан поднялся во главе стола. Разговоры стихли, и свет множества свечей отразился в серебряных кубках.

— Друзья, — начал он, обводя собравшихся спокойным взглядом. — Рад приветствовать вас в моём доме. В последние годы вести между нашими землями порой доходили медленнее, чем хотелось бы, а новости с юга всё чаще заставляли задумываться о будущем. Сегодня у нас есть возможность не только разделить трапезу, но и поговорить открыто. Пусть этот вечер напомнит нам, что старые союзы и дружба по-прежнему имеют значение.

Он поднял кубок. Гости ответили ему тем же, и вскоре зал вновь наполнился негромкими беседами.

Селена сидела рядом с Дариэн. Напротив неё расположились Ольвар и несколько посланников, а чуть дальше — Амрис, рядом с Брандуром. Гном уже успел увлечься рассказом о путешествии через горы, сопровождая его такими выразительными жестами, что даже один из суровых северных посланников слушал с улыбкой.

Амрис, однако, не был столь разговорчив. Он отвечал на обращения соседей учтиво, иногда задавал уточняющие вопросы, но большую часть времени слушал. Его осанка оставалась безупречной, движения были сдержанными. Он явно привык к подобным собраниям и не испытывал необходимости привлекать к себе внимание.

Тем временем Талан вступил в беседу с северными посланниками. Речь постепенно перешла к дорогам, на которых в последнее время стали замечать незнакомых путников, и к слухам о неспокойных землях к югу от Перевала первого снега.

Ольвар слушал молча, время от времени задавая короткие вопросы. При упоминании теневых гончих его лицо стало серьёзнее, но он не стал развивать эту тему при всех.

Амрис тоже прислушался. На этот раз он отложил столовый прибор и обратился к Талану:

— В Миртоне также замечают перемены. Некоторые тропы, которыми прежде пользовались без опаски, теперь обходят даже опытные следопыты. Мой отец считает, что нам следует внимательнее следить за происходящим за пределами наших владений.

— И ты разделяешь его мнение? — спросил Талан.

— Да. Но я предпочитаю опираться на сведения разведчиков, а не на слухи.

Ответ был кратким, однако в нём чувствовалась привычка принца лично отвечать за безопасность своего народа.

— Разумный подход, — согласился Талан. — Хотя иногда даже самые осторожные разведчики возвращаются лишь с частью правды.

— Именно поэтому я и приехал сюда, — ответил Амрис. — В Талионе собираются те, кто знает больше, чем может узнать один лесной дозор.

Он снова взял кубок, и разговор продолжился.

Спустя некоторое время, когда слуги сменили блюда, Амрис повернулся к Дариэн. До этого он не пытался вмешиваться в её беседы с Селеной и другими гостями, но теперь, когда разговор за столом на мгновение стих, обратился к ней сдержанно:

— Госпожа Дариэн, позвольте задать вам один вопрос. Вы давно занимаетесь целительством под руководством лорда Талана?

Вопрос звучал вполне учтиво. В его взгляде не было фамильярности, лишь спокойный интерес к человеку, о котором он пока знал совсем немного.

Селена, сидевшая рядом, продолжала беседовать с одним из посланников, хотя, кажется, не упустила ни слова.

— Достаточно давно для того, чтобы отточить мастерство, и недостаточно для того, чтобы привыкнуть к боли, — ответила Дариэн.

Амрис на мгновение задержал взгляд на Дариэн. Впервые за весь вечер в его выражении появилось нечто помимо безупречной придворной вежливости — сдержанное внимание.

— Полагаю, к боли вообще не следует привыкать, — произнёс он после короткой паузы. — Особенно к чужой. Иначе однажды перестаёшь замечать, насколько она велика.

Он сказал это без драматизма, словно говорил о вещи, которую знал не понаслышке. Сын короля Миртона провёл достаточно времени среди пограничных дозоров и в походах, чтобы видеть последствия ранений, которые не всегда удавалось залечить.

Амрис слегка повернул кубок в пальцах.

— Но вы правы. Мастерство не избавляет от необходимости каждый раз смотреть на рану так, будто видишь её впервые. Мой отец считает, что в этом и заключается разница между опытным воином и безрассудным.

— Неужели Ориандр действительно говорит такие вещи? — вмешалась Селена, наконец повернувшись к ним. — Я помню его несколько иначе. В последний раз, когда мы виделись, он был убеждён, что лучшая защита от неприятностей — это отправить неприятности подальше от своих границ.

— В этом нет противоречия, — невозмутимо ответил Амрис. — Если неприятности находятся за границей, опытный воин должен знать, как не позволить им её пересечь.

Селена тихо рассмеялась.

— Вот теперь я совершенно уверена, что ты сын своего отца.

Принц не стал спорить. Он лишь склонил голову и вновь обратился к Дариэн:

— Скажите, вам часто приходится иметь дело с ранами, которые оставляет тёмная магия?

Вопрос прозвучал чуть тише прежнего. Он не был задан из праздного любопытства: упоминания о тёмных силах в последнее время тревожили даже те земли, которые прежде казались далёкими от опасности.

За столом неподалёку Ольвар перестал слушать рассказ одного из посланников и на мгновение посмотрел в их сторону. Талан тоже обратил внимание на разговор, но вмешиваться не стал.

Амрис, кажется, заметил это. Однако взгляд от Дариэн не отвёл.

— Прошу простить мою прямоту, — добавил он. — Я спрашиваю не из желания подвергнуть сомнению ваше искусство. Просто в лесу мы всё чаще встречаем следы, которые не удаётся объяснить обычным оружием.

Селена на этот раз не стала шутить. Она знала, что за спокойствием принца скрывается беспокойство за его народ.

Музыка негромко звучала у дальней стены, серебро звенело о фарфор, но в короткой паузе между ними разговор словно отделился от общего шума зала.

Амрис ждал ответа, сохраняя прежнюю сдержанность.

— Да, приходилось, — аккуратно ответила Дариэн. — Это не просто раны, ваше высочество. Тьма оставляет следы не только на теле. Судя по всему, вы об этом знаете, если видели подобное.

Амрис не ответил сразу. Его пальцы замерли на ножке кубка, а взгляд на мгновение стал отстранённым, словно слова Дариэн напомнили ему о чём-то неприятном.

— К сожалению, знаю, — произнёс он наконец.

Он не стал уточнять, что именно видел. Не из недоверия к Дариэн — скорее, из привычки не выносить на общий стол то, о чём следовало говорить лишь с теми, кому действительно можно доверять.

— Иногда рана заживает, а тот, кто её получил, уже никогда не становится прежним. Бывает, что воин возвращается в дозор, снова берёт лук и выполняет свои обязанности, но достаточно посмотреть ему в глаза, чтобы понять: часть его осталась где-то далеко отсюда.

Амрис на мгновение опустил взгляд.

— В Миртоне мы привыкли считать лес своим защитником. Но даже самые древние деревья не способны укрыть нас от всего.

В его голосе не было страха. Скорее, спокойное признание неприятной истины, которую он предпочёл бы не знать.

— Вы сказали, что тьма оставляет следы не только на теле, — продолжил он. — Значит, вам приходилось лечить и то, что не видно обычному взгляду?

Вопрос прозвучал сдержанно, но теперь в нём было больше личного интереса. Амрис уже не просто поддерживал разговор с целительницей из уважения к её положению. Он пытался понять, насколько глубоко простирается её искусство.

Селена, до этого молча слушавшая их, чуть повернулась к Дариэн.

— Отец всегда говорил, что настоящее целительство начинается там, где заканчиваются простые знания о теле, — заметила она. — Но он редко объяснял, насколько тяжёлым может быть такой труд для самого целителя.

— Потому что целитель не должен забывать о собственных силах, — отозвался Талан, оказавшийся рядом с ними. Он услышал последние слова дочери и теперь смотрел на Дариэн с отеческой мягкостью, хотя в его взгляде мелькнула и знакомая тревога. — Даже самое светлое искусство требует платы, если приходится противостоять тому, что стремится разрушить саму жизнь.

Амрис почтительно склонил голову перед хозяином дома.

— Именно об этом я и хотел спросить, лорд Талан. В наших землях подобные случаи становятся всё более частыми. Если опасность действительно распространяется, нам придётся научиться распознавать её раньше, чем она доберётся до наших поселений.

— Возможно, — ответил Талан. — Но не сегодня за ужином. Для начала нам следует понять, что именно происходит и откуда исходит угроза.

Он произнёс это спокойно, однако Ольвар, сидевший неподалёку, поднял глаза от своей тарелки. На короткое мгновение их взгляды встретились, и между старым волшебником и владыкой Талиона словно промелькнуло молчаливое согласие: разговор этот ещё далеко не окончен.

Амрис вновь повернулся к Дариэн.

— Благодарю вас за откровенность, госпожа. Я не стану расспрашивать о том, чем вы не желаете делиться.

Он сделал небольшую паузу.

— Но если однажды вы сочтёте возможным рассказать, как распознать подобную порчу на ранней стадии, я был бы признателен за ваши знания. Это может спасти жизни моих воинов.

Впервые за весь вечер в его голосе прозвучало нечто, выходящее за рамки обычной придворной учтивости. Не просьба принца к подчинённой и не любезность ради приличий — предложение, основанное на признании чужого мастерства.

Селена посмотрела на Амриса с лёгким удивлением, но ничего не сказала.

А принц, словно заметив, что проявил больше открытости, чем собирался, вновь взялся за кубок и позволил разговору за столом постепенно вернуться к прежнему руслу.

В зале заиграла музыка, и к Дариэн подошёл молодой рыжебородый гном со сверкающими карими глазами.

— Торгрим, сын Брандура, леди Дариэн. Позвольте пригласить вас на танец! Мы, гномы, не очень сильны в этих ваших этикетах, но веселиться умеем от души! — отрапортовал он и протянул мозолистую, натруженную ладонь.

— С удовольствием, господин Торгрим, — Дариэн грациозно встала со своего места и отправилась в круг танцующих.

Торгрим просиял, услышав согласие, и с явным облегчением повёл её к танцующим. Оркестр играл живую мелодию: арфы задавали ритм, флейты перекликались с ними, а звонкие струны лютни придавали музыке почти озорной характер. В воздухе пахло воском, вином и пряностями, а свет сотен свечей дрожал на серебряной посуде и шёлковых платьях.

— Я слыхал о том, что вы вчера сделали. С тем эльфом, Аэроном. Это искусство и мастерство. А мастерство мы, гномы, уважаем.

Гном, вопреки собственным словам о незнании этикета, оказался весьма уверенным партнёром. Он держался прямо, шагал энергично и, кажется, совершенно не сомневался, что танец должен приносить удовольствие обоим участникам.

— Рад, что вы согласились, леди Дариэн! — продолжил он, осторожно ведя её в поворот. — А то я уж боялся, что все эльфы здесь танцуют исключительно друг с другом, а нам, простым гномам, остаётся только сидеть за столом и обсуждать качество жаркого.

Он громко рассмеялся собственным словам.

— Хотя жаркое у вас превосходное. Мой отец уже дважды похвалил повара, а это, уверяю вас, редкое событие. Обычно он считает, что никто не умеет готовить мясо так хорошо, как гномы.

Торгрим сделал очередной поворот, чуть не наступил на край собственного плаща, но вовремя исправил движение и посмотрел на Дариэн с заговорщической улыбкой.

— Только не говорите ему, что я вам это рассказал.

— Оставлю это нашей тайной!

У стола Селена наблюдала за танцующими с нескрываемым удовольствием.

— По крайней мере, Торгрим не станет задавать ей вопросы о тёмной магии весь вечер, — заметила она, обращаясь к Амрису.

Принц Миртона проследил взглядом за парой. Его лицо оставалось спокойным, хотя взгляд задержался на Дариэн чуть дольше, чем требовалось, чтобы просто узнать знакомую среди танцующих.

— Судя по всему, он намерен рассказать ей историю своего рода, прежде чем закончится музыка, — ответил он.

— Ты говоришь так, будто это недостаток.

— Я этого не говорил.

— Нет, конечно. Ты вообще редко говоришь то, что думаешь, когда рядом достаточно свидетелей.

Амрис повернулся к Селене.

— А ты, как всегда, слишком охотно делаешь выводы.

— Кто-то же должен.

Селена улыбнулась и вновь посмотрела на Дариэн.

В кругу танцующих Торгрим тем временем продолжал разговор, ничуть не смущаясь ни музыки, ни окружающих.

— Знаете, леди, я видел раны после орочьих клинков, после падений в горных проходах, после обвалов в шахтах. У нас, гномов, лекарское дело уважают. Но то, что я услышал о вашем искусстве… — Он ненадолго посерьёзнел. — Вы буквально вытянули из тела эльфа саму тьму, которая могла унести его в небытие. Не всякий целитель решился бы взяться за такое.

Торгрим покачал головой, словно до сих пор не мог вполне осознать услышанное.

— И вот что я вам скажу: если кто-нибудь из моих родичей когда-нибудь окажется в Талионе и ему понадобится помощь, я непременно расскажу ему о вас.

Он выдержал небольшую паузу, после чего его глаза вновь весело блеснули.

— Хотя надеюсь, что до этого не дойдёт. Гномы предпочитают возвращаться домой целыми. Особенно если дома ждёт хорошая еда.

Музыка ускорилась, и Торгрим увлёк Дариэн в следующий поворот. Вокруг них кружились пары, переливались шёлковые платья и раскачивались украшенные серебром плащи.

У края танцевального круга Амрис стоял рядом с Селеной, наблюдая за происходящим. Когда мелодия приблизилась к заключительной части, один из эльфийских придворных подошёл к принцу и что-то тихо сказал ему о предстоящем приветствии новых гостей. Амрис выслушал его, ответил коротким кивком, но уходить сразу не стал.

А Торгрим, заметив, что музыка подходит к концу, вновь обратился к своей партнёрше:

— Скажите, леди Дариэн, вы всегда так хорошо танцуете? Или это ещё одно искусство, которому вас научил лорд Талан?

— Торгрим, моё мастерство танца не сравнится с вашим! Это было заразительно, — рассмеялась Дариэн и учтиво присела в реверансе перед гномом.

Торгрим довольно крякнул в бороду и откланялся.

— Леди, вы оказываете мне слишком много чести! Но если однажды окажетесь в Железном чертоге, я непременно покажу вам, как танцуют на настоящем гномьем празднике. Вот там вы поймёте, что сегодняшний вечер был лишь разминкой!

С этими словами он отступил, довольно поглаживая бороду, и направился к отцу.

Дариэн едва успела повернуться к краю танцевального круга, как рядом возник Амрис.

Он подошёл почти бесшумно. Высокий, прямой, с привычно невозмутимым лицом, принц казался человеком, который никогда не сомневается в уместности собственных поступков.

— Вы позволите?

Вопрос прозвучал без особой интонации, а ладонь оставалась раскрытой и неподвижной. В его манере действительно было что-то от констатации факта: он пригласил её и, судя по всему, рассчитывал, что приглашение будет принято.

Дариэн посмотрела на протянутую руку, затем подняла глаза на принца.

— Разумеется, ваше высочество. Было бы невежливо оставить принца Миртона без партнёрши, когда весь зал танцует.

В уголках губ Амриса обозначилось едва заметное движение.

— Как великодушно с вашей стороны.

Он повёл её к танцевальному кругу.

Музыканты сменили мелодию. Новая композиция была медленнее и торжественнее предыдущей. Глубокие звуки арфы переплетались с нежным голосом флейты, пары двигались плавно, оставляя между собой достаточно места, чтобы длинные подолы платьев и плащи не мешали танцу.

Амрис танцевал совершенно иначе, чем Торгрим. В гноме было много энергии и открытого веселья. Принц Миртона двигался с безукоризненной точностью. Его шаги были лёгкими, почти бесшумными, повороты — выверенными, а рука, поддерживавшая Дариэн, оставалась уверенной и деликатной. От него пахло прохладной хвоей и чем-то ещё — сдержанным, едва уловимым ароматом, который не пытался перебить запахи зала.

— Должен признать, — произнёс он, когда они завершили первую фигуру, — вы весьма терпимы к партнёрам с разными представлениями о танцевальном искусстве.

— Вы имеете в виду Торгрима?

— Я предпочитаю не делать поспешных выводов.

— Как осторожно с вашей стороны.

Они сделали очередной поворот. Амрис на мгновение приблизился, чтобы провести Дариэн через фигуру, а затем вновь оставил между ними положенное расстояние. Его прикосновения оставались безупречно корректными.

— Вы всегда столь прямолинейны, госпожа Дариэн?

— Только когда мой собеседник слишком старательно скрывает собственное мнение.

Амрис слегка приподнял бровь.

— И вы полагаете, что я что-то скрываю?

— Я полагаю, что вы привыкли говорить ровно столько, сколько считаете необходимым, —

Дариэн постаралась ответить максимально корректно.

Несколько мгновений он молчал. Затем уголок его рта приподнялся — едва заметно, но на этот раз улыбка была настоящей.

— Вы наблюдательны.

— Меня этому научили.

Музыка ускорилась, и они закружились в следующей фигуре. Дариэн заметила, что на них смотрят. Не враждебно, но с любопытством. Принц Миртона танцует с целительницей из Талиона. Это было… необычно.

— Скажите, — произнёс Амрис, когда мелодия вновь замедлилась, — вам нравится жить здесь? В этой долине?

— Да. Это мой дом. И я ощущаю здесь себя по-настоящему на своем месте.

— А вы никогда не думали о том, чтобы увидеть другие земли?

— Думала. Но пока не было причин уезжать.

— Возможно, они появятся. — Он улыбнулся. — Лес учит многому, но есть вещи, которые невозможно узнать, не покинув его границ.

— Например?

— Например, насколько странными могут быть обычаи других народов.

Дариэн рассмеялась.

— Вы говорите так, будто уже нашли немало странностей в Талионе.

— Пока я обнаружил только одну.

— И какую же?

— Здесь даже самые серьёзные разговоры почему-то заканчиваются тем, что меня пытаются поддразнить.

— Возможно, дело не в Талионе, а в вас, ваше высочество.

— Возможно, — невозмутимо ответил он. — Но я ещё не готов признать это окончательным выводом.

Мелодия постепенно приближалась к завершению. Последние звуки арфы растаяли под высоким потолком.

Амрис остановился и отпустил руку Дариэн, после чего склонился в изящном поклоне.

— Благодарю за танец, госпожа Дариэн.

Он выпрямился и помедлил, словно обдумывая, стоит ли продолжать.

— Надеюсь, мне ещё представится возможность пригласить вас на танец.

Это не прозвучало ни как признание, ни как попытка флирта. Скорее, как вполне серьёзное намерение продолжить знакомство — если Дариэн сама этого захочет.

И, впервые за вечер, принц не стал ждать от неё немедленного ответа.

Когда Дариэн подошла к Селене, подруга подала ей кубок с прохладным напитком и невинно поинтересовалась:

— Ну что, как тебе наш принц Миртона?

Вопрос прозвучал совершенно непринуждённо. Слишком непринуждённо.

Килиан, стоявший рядом, бросил на Селену выразительный взгляд.

— Не начинай.

— Я всего лишь интересуюсь впечатлениями моей подруги от вечера, — возразила Селена. — Разве это преступление?

— Зная тебя, я бы не стал исключать такую возможность, — ответил он.

Селена проигнорировала его замечание и чуть наклонилась к Дариэн.

— Мы с Амрисом знакомы уже довольно давно. Он всегда был вежлив, но редко позволял себе по-настоящему расслабиться при тех, кого плохо знает. А уж приглашать на танец первым… — Она сделала небольшую паузу. — Что ж, возможно, вечер оказался интереснее, чем я ожидала.

Дариэн сделала глоток из кубка.

— Он не так прост, как кажется.

— Это комплимент или предупреждение?

— Пока не знаю. — Дариэн улыбнулась. — Скорее, наблюдение.

Селена хотела что-то добавить, но в этот момент к ним подошёл Талан.

— Надеюсь, вечер проходит приятно, — сказал он. — Гости пока ведут себя вполне мирно, что само по себе можно считать удачей.

— Пока Брандур не решил вновь объяснить Амрису, как следует управлять лесом, — заметила Селена.

— Боюсь, этот спор переживёт всех нас, — ответил Талан. Затем его взгляд обратился к Дариэн, и выражение лица стало мягче. — Я слышал, ты сегодня навещала Аэрона. Как он себя чувствует?

— Лучше, — ответила Дариэн. — Рана заживает. Он ещё слаб, но опасность миновала.

Талан кивнул, и в его взгляде мелькнула знакомая тревога.

— Хорошо. Но я хочу поговорить с тобой об этом позже. Не здесь.

Он не стал уточнять, но Дариэн поняла: речь пойдёт не только о состоянии Аэрона. И не только о том, что случилось на Восточной гряде.

Талан отошёл к другим гостям, а Селена тихо сказала:

— Он что-то знает.

— Или подозревает, — ответила Дариэн.

— Завтра Совет. — Селена помолчала. — Что бы он ни собирался сказать, это будет важно.

Дариэн посмотрела на зал. Гости постепенно начинали расходиться. Гномы Брандура уже поднимались из-за стола, эльфы Миртона собирались небольшой группой у выхода, люди Карадрона прощались с Таланом. Амрис стоял неподалёку, беседуя с одним из своих советников. Он не смотрел в её сторону.

— Завтра, — повторила Дариэн. — Значит, завтра.

Селена взяла её под руку.

— Пойдём. Тебе нужно отдохнуть. Завтрашний день будет долгим.

Глава 3. Совет

Зал совета в Талионе располагался в самой старой части дворца, где стены помнили ещё первые века долины. Высокие своды уходили в полумрак, узкие окна пропускали тонкие полосы утреннего света, ложившегося на каменный пол серебряными дорожками. Вдоль стен горели факелы, но их пламя не могло разогнать древнюю прохладу, въевшуюся в камень за долгие века. В воздухе пахло воском, сухой пылью старых свитков и горьким маслом из ламп.

Дариэн вошла вместе с Селеной. На ней было простое тёмно-синее платье без украшений, волосы собраны в строгую косу, а на плечах лежал лёгкий плащ с гербом дома Эрестора, её отца. Она не любила официальные собрания. Слишком много людей, слишком много взглядов, слишком много слов, за которыми скрывались совсем другие намерения.

— Не волнуйся, — тихо сказала Селена, словно прочитав её мысли. Её пальцы чуть крепче сжали руку подруги. — Ты здесь не для того, чтобы говорить. Ты здесь, чтобы слушать.

— Я знаю, — ответила Дариэн. — Но от этого не легче.

Участники Совета уже собирались. Гномы Брандура заняли места у дальней стены, рядом с ними расположились несколько эльфов из Миртона. Люди Карадрона держались особняком, у противоположной стены, их тёмные плащи резко выделялись на фоне светлого камня. В воздухе висела настороженность — не вражда, но холодок, который бывает, когда за одним столом собираются те, кто привык не доверять друг другу.

Талан стоял у возвышения, беседуя с Ольваром. Волшебник выглядел усталым, но его глаза оставались острыми, цепляясь за каждую деталь.

Когда Дариэн и Селена вошли, разговоры на мгновение стихли. Несколько голов повернулись в их сторону.

— Леди Дариэн, — произнёс Брандур, поднимаясь со своего места. Его голос, привыкший перекрывать шум кузниц, заполнил зал. — Рад видеть вас. Мой сын Торгрим рассказывал о вас. И о том, что вы сделали для того эльфа. У нас, гномов, целителей уважают. Особенно тех, кто не боится браться за безнадёжные случаи.

— Благодарю, господин Брандур, — ответила Дариэн, склонив голову. — Но я всего лишь делала то, чему меня учили.

— Скромность — хорошее качество, — согласился гном, поглаживая бороду. — Но не тогда, когда она мешает признавать собственные заслуги.

Он отступил, довольно крякнув, и вернулся на своё место.

Селена тихо фыркнула.

— Кажется, ты приобрела поклонника.

— Он просто вежлив.

— Он гном. Они не бывают просто вежливыми.

Дариэн хотела ответить, но в этот момент Талан поднял руку, призывая к тишине. Движение было едва заметным, но зал мгновенно замер.

— Друзья, — начал он, и его голос разнёсся по залу, ровный и твёрдый. — Мы собрались здесь не для того, чтобы говорить о войне. Хотя, боюсь, именно она привела вас всех в мой дом.

Несколько гостей невесело усмехнулись.

— Три недели назад отряд Малахара перешёл Восточную гряду. Не разведчики. Не одиночные твари. Полноценный отряд — не меньше двух сотен. Они сожгли три поселения на границе и ушли обратно в Скорвен. Мы потеряли больше сорока эльфов. И это была не война. Это была проверка.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть в тишине. Дариэн почувствовала, как холод пробежал по её спине. Сорок эльфов. За одну ночь.

— Неделю назад они появились снова. На этот раз — у Перевала первого снега. Со ними были Безликие. Не орки. Не гоблины. Эльфы и люди, которые когда-то были такими же, как мы, а теперь не помнят даже собственных имён. Мы отбили их, но потеряли ещё двадцать. И я не думаю, что это конец. Я думаю, что это начало.

Талан обвёл взглядом собравшихся. В его глазах Дариэн увидела то, что редко удавалось заметить — усталость владыки, который слишком долго нёс бремя ответственности.

— Я собрал вас здесь, чтобы мы могли решить, что делать. Вместе. Потому что поодиночке мы не выстоим.

Первым заговорил Брандур. Гном не стал дожидаться, пока его пригласят. Он просто встал, и его голос, привыкший перекрывать шум кузниц, заполнил зал.

— Мы, гномы Железного чертога, знаем, что такое война. Мы видели, как орки сжигают наши дома и убивают наших детей. Мы не станем ждать, пока Малахар доберётся до наших гор. — Он ударил кулаком по ладони, и звук прокатился по залу, как удар молота по наковальне. — Я могу выставить восемь сотен воинов. Топоры, молоты, тяжёлая пехота. Но мы не станем сражаться за чужие земли, если не увидим, что остальные готовы сделать то же самое.

Он обвёл взглядом собравшихся.

— Где эльфы Миртона? Где люди Карадрона? Где всадники Рейтвальда? Мы не видим здесь никого, кроме посланников. Где ваши армии?

Амрис поднялся следом. Он держался спокойно, но в его голосе чувствовалась сталь, звенящая, как тетива лука.

— Миртон не станет посылать войска, пока не будет уверен, что наши границы останутся защищёнными. Лес — наш дом. Если мы уйдём, кто останется его охранять?

— А кто охраняет наши дома? — резко спросил Брандур.

— Мы все рискуем, мастер гном. Но не все готовы платить одинаковую цену.

Амрис повернулся к Талану.

— Миртон может выделить пять сотен лучников. Это не вся наша армия, но это то, что мы можем дать, не оставив лес без защиты. И только после того, как мы убедимся, что Малахар действительно движется на запад, а не готовит удар по нашим землям.

— Пять сотен, — проворчал Брандур. — Уже лучше. Но всё равно мало.

— Это война, мастер гном. Здесь никто не может дать всё.

Спор грозил затянуться, но тут слово взял Килиан. Он говорил негромко, и от этого его голос звучал особенно весомо, как камни, катящиеся по горной тропе.

— Редрейд не так богат, как Карадрон, и не так многолюден, как Миртон. Но у нас есть конница, и она хороша. Я могу выставить полк — тысячу всадников. Они пойдут туда, где будет тяжелее всего.

Он помолчал, а затем добавил:

— Однако я хочу знать, кто будет командовать объединённым войском. Мы не можем позволить, чтобы каждый действовал сам по себе. И я не стану отдавать своих людей под командование того, кто не знает наших земель.

— Карадрон имеет самую сильную армию в этом зале, — произнёс посланник Карадрона, высокий человек с надменным лицом и холодными серыми глазами. — Мы можем выставить полторы тысячи воинов. Но мы не станем подчиняться эльфийскому командованию.

— А кто говорит о подчинении? — холодно спросил Талан.

— Вы собрали нас здесь, владыка. Но это ваш дом, и это ваш Совет. Мы не станем сражаться под знамёнами Талиона.

— Тогда, возможно, вы предпочтёте сражаться под знамёнами Малахара? — тихо спросил Ольвар, и в его голосе не было насмешки. — Потому что он не станет спрашивать, под чьими знамёнами вы хотите сражаться. Он просто придёт.

Посланник Карадрона бросил на него злой взгляд, но промолчал.

Талан поднялся. Он не пытался перекричать спор. Он просто ждал, пока все замолчат. И когда тишина наконец наступила, она оказалась тяжелее любого крика.

— Я не стану командовать вашими армиями, — произнёс он наконец. — И не стану требовать, чтобы вы подчинялись мне. Но если мы не найдём способ действовать вместе, Малахар уничтожит нас поодиночке. Сначала гномов, потом Миртон, потом Редрейд, потом Карадрон. Он не остановится.

Он обвёл взглядом собравшихся.

— Я предлагаю другое. Каждый из вас сохранит командование над своими воинами. Но мы создадим общий совет, который будет решать, где и когда нанести удар. Мы будем сражаться вместе, но не под одним знаменем.

— И кто будет председательствовать на этом совете? — спросил посланник Карадрона.

— Тот, кого вы выберете. Я не претендую на эту роль.

В зале снова стало тихо. Брандур поглаживал бороду, обдумывая. Амрис смотрел на Талана с новым уважением. Килиан кивнул, словно ожидал чего-то подобного.

— Это разумно, — произнёс Ольвар. — Но недостаточно. Нам нужно знать, где Малахар нанесёт следующий удар. И нам нужны разведчики.

— У меня есть разведчики, — ответил Талан. — Но их не хватит, чтобы покрыть все границы.

— У Миртона тоже есть следопыты, — сказал Амрис. — Мы можем отправить их к Перевалу первого снега.

— А у Редрейда — всадники, — добавил Килиан. — Они могут патрулировать дороги на севере.

Талан медленно кивнул.

— Тогда начнём с этого. Разведка. Патрули. И общий совет, который соберётся снова, когда у нас будут точные сведения.

Он уже собирался продолжить, когда Брандур снова подал голос. На этот раз гном не ударил кулаком по ладони и не стал повышать голос. Он говорил тихо, почти буднично, и от этого его слова прозвучали особенно весомо.

— А что насчёт ран?

Он повернулся к Талану.

— Мы слышали о том, что случилось на Восточной гряде. О том, что те, кто получил раны от этих тварей, угасают. Не от потери крови. Не от заражения. А от чего-то другого. — Он помолчал. — Говорят, целители не могут с этим справиться. Это правда?

В зале снова стало тихо. Несколько голов повернулись к Дариэн. Она почувствовала, как на её кожу легли взгляды — тяжёлые, оценивающие, ищущие.

Талан не сразу ответил. Его взгляд скользнул по залу, словно он взвешивал, стоит ли говорить об этом при всех. Затем он посмотрел на Дариэн.

— Не все целители, — произнёс он наконец. — Но большинство — да.

Брандур нахмурился.

— Тогда что мы будем делать с ранеными? Если Малахар использует эту тьму, мы потеряем больше воинов от таких ран, чем от мечей.

Талан не ответил. Он смотрел на Дариэн, и в его взгляде было что-то, что она не могла прочитать до конца. Ожидание? Надежда? Или тревога за то, что она скажет?

И тогда Дариэн поднялась.

Она не любила говорить на Советах. Не любила, когда все смотрят на неё, когда каждое слово взвешивают и запоминают. Но сейчас было не время для скромности.

— Я целительница, но об этом вы уже знаете, — начала она, и её голос прозвучал ровно, хотя внутри всё сжалось. — И я видела, что делает эта тьма. Рана, которую она оставляет,

не похожа на обычную. Она не гниёт, не воспаляется. Она… — Дариэн помолчала, подбирая слова. — Она заставляет плоть забыть, что она живая. И обычные методы здесь не работают.

Она обвела взглядом собравшихся.

— Неделю назад в Талион привезли эльфа-разведчика. Он был ранен одной из тварей Малахара. Я вытянула тьму из его раны. Это было непросто. Это потребовало больше сил, чем я ожидала. Но он жив.

Брандур смотрел на неё с нескрываемым интересом.

— Ты хочешь сказать, что можешь научить этому других целителей?

— Я не знаю, — честно ответила Дариэн. — Я не знаю, почему у меня получилось. Я не знаю, смогу ли повторить это снова. Но я могу попробовать. И я могу поехать с войском, если вы решите, что целитель, способный справляться с такими ранами, вам нужен.

— В походы отправляются целители, прошедшие военную подготовку, — сказал Радамир. Он не повысил голос, не усмехнулся — просто смотрел на неё с холодным, деловым интересом человека, который привык оценивать новобранцев. — Я не сомневаюсь, что вы умеете держать меч. Вопрос не в этом. Вопрос в том, что вы делаете, когда рядом с вами умирает человек, а вы не можете его спасти. Потому что на войне это будет каждый день. И если вы сломаетесь там, где нужны твёрдые руки, — пострадают не только те, кого вы не спасли, но и те, кто вас прикрывал.

Он помолчал.

— Вы говорите, что умеете обращаться с оружием. Хорошо. Но одно дело — тренировочный двор, где вас учат сыновья владыки. Другое — поле боя, где противник не станет ждать, пока вы вспомните, какую ногу куда ставить. Я не хочу на поле боя выбирать, кому прикрывать спину: вам или тому, кто вас прикрывает.

— Я не беспомощна, — ответила Дариэн, и её голос прозвучал ровно, хотя внутри всё сжалось. — И я не собираюсь сражаться в первых рядах. Я еду как целитель. Но если понадобится — я сумею постоять за себя и за того, кто рядом.

Радамир чуть склонил голову.

— Возможно. Но пока я вижу перед собой целительницу, которая ни разу не была в настоящем бою. Это не оскорбление. Это факт. И я предпочёл бы, чтобы вы отправились в поход, зная, на что идёте, а не с верой в то, что тренировочный меч и настоящая сталь — одно и то же.

Он отступил на шаг.

— Если владыка Талан поручится за вас — я не стану возражать. Но я не стану и делать вид, что это решение даётся мне легко.Талан медленно кивнул. В его взгляде мелькнула та самая тревога, которую Дариэн видела утром, но он не стал её озвучивать.

— Это больше, чем мы имели час назад, — произнёс он. — И это уже что-то.

Посланник Карадрона хотел что-то сказать, но Ольвар опередил его.

— Тогда, полагаю, у нас есть план, — сказал он. — Разведка. Патрули. Целитель, который умеет то, чего не умеют другие. И общий совет, который соберётся снова, когда у нас будут точные сведения.

Он посмотрел на Талана.

— Я не стану говорить, что этого достаточно. Но это начало.

Талан кивнул.

— Тогда на этом закончим. Мы соберёмся снова, когда разведчики вернутся с вестями. И тогда решим, как действовать.

Гости начали подниматься. Брандур подошёл к Дариэн, и его борода качнулась.

— Ты сказала, что можешь научить других. Это хорошо. Но не забывай, что целитель, который выкладывается до конца, долго не живёт. А нам понадобятся целители, которые доживут до конца этой войны.

Он отступил, не дожидаясь ответа, и направился к выходу.

Амрис задержался возле Дариэн. На этот раз в его взгляде не было привычной сдержанной насмешки.

— Вы говорили о том, что не знаете, сможете ли повторить это снова. — Он помолчал. — Если вам понадобится помощь в том, чтобы понять природу этих ран, мои целители в Миртоне будут рады сотрудничать. Мы тоже сталкивались с подобным.

Он слегка склонил голову и отошёл.

Килиан, проходя мимо, коротко кивнул Дариэн, но ничего не сказал. Его лицо оставалось задумчивым.

Когда зал почти опустел, Талан подошёл к Дариэн.

— Останься, — произнёс он негромко. — Нам нужно поговорить.

Когда за последним участником совета закрылась тяжёлая дубовая дверь, Талан жестом пригласил эльфийку присесть и внимательно посмотрел на неё.

— Грядёт война, Дариэн. И это не просто звон мечей и стук копий. Здесь мы имеем дело с теми силами, с которыми простым смертным не под силу справиться.

— Я понимаю, Владыка.

— Я не просто так завёл с тобой этот разговор. Я знаю тебя очень хорошо, с твоего детства. И ты всегда была мне как дочь, — начал мягко эльфийский владыка, и в уголках его глаз проступили морщинки от улыбки. — И я знаю, что как только на горизонте появится опасность, ты, не жалея себя бросишься спасать всех вокруг.

— Вы слишком хорошо меня знаете, — ответила Дариэн с улыбкой, хотя понимала, что повода для веселья нет.

— Именно поэтому я прошу тебя. Не требую, не повелеваю, а прошу взвесить свои силы и быть внимательной не только к окружающим, но и к себе. А теперь ступай.

Дариэн коротко кивнула Талану и вышла из зала Совета.

Коридоры Талиона встретили её прохладой и мягким шелестом воды за открытыми арками. После напряжённой атмосферы Совета здесь было непривычно спокойно. Солнечный свет ложился на светлый камень пола, а с террас доносился аромат осенних листьев — горьковатый, пряный, напоминающий о том, что зима уже близко.

Дариэн шла медленно, не торопясь. Её шаги эхом отдавались в пустом коридоре, и каждый шаг казался ей тяжелее предыдущего.

Она остановилась у высокого окна, выходившего на внутренний сад. Внизу, среди золотых и багряных листьев, бродили несколько эльфов — слуги, готовившие дворец к зиме. Они смеялись, перебрасывались шутками, и их голоса доносились до неё как отдалённая музыка.

Дариэн положила ладонь на холодный камень подоконника.

Что я наделала?

Она сказала Совету, что может помочь. Что может поехать с войском. Что может научить других.

Но она не знала, сможет ли повторить то, что сделала с Аэроном. Не знала, выдержит ли её тело ещё одно такое исцеление. Не знала, что произойдёт, если тьма окажется сильнее.

И всё же она не могла сказать иначе. Если бы она промолчала, кто-то другой оказался бы на её месте. Кто-то, кто не умеет противостоять этой тьме. Кто-то, кто погибнет, пытаясь спасти других.

Дариэн закрыла глаза.

Впереди лежал путь, которого она не выбирала, но который выбрал её. Война, которую она не начинала, но в которой ей предстояло участвовать. И сила, которую она не просила, но которая теперь жила в ней.

—Я не могу отступить, — прошептала она сама себе. — Но я и не знаю, как идти вперёд.

За окном ветер шевельнул ветви деревьев, и несколько листьев сорвались с веток, медленно кружась в воздухе. Дариэн смотрела на них, и ей казалось, что каждый лист — это день, который она больше не сможет вернуть. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в оттенки золота и пурпура. Впереди была ночь. А за ней — новый день.

Глава 4. Первые уроки

Дариэн нашла Аэрона сидящим на краю постели. Смертельная бледность отступила, но под повязкой кожа оставалась холодной.

— Всё благодаря тебе, — сказал он. — Я знаю, что ты сделала.

— Поблагодаришь, когда вернёшься в дозор, — она осторожно откинула повязку. Шрам затянулся, но при касании по ладони пробежал тошнотворный холод.

Аэрон помолчал, глядя на свою руку.

— Я помню не боль, — сказал он вдруг. — Помню, как будто из меня вынимали что-то живое. Не кровь. Не дыхание. Что-то глубже. И оно не хотело уходить.

— Оно ушло, — ответила Дариэн. — Теперь оно не вернётся.

— Ты уверена?

Она не ответила сразу. Потому что не была уверена. Потому что в прошлый раз, когда она вытягивала тьму, рана затянулась, а через неделю тело начало угасать снова — и тогда она не успела.

— Нет, — честно сказала она. — Но я буду рядом. Если что-то изменится — ты придёшь ко мне. Сразу. Не будешь ждать, пока станет хуже.

Аэрон посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего она не видела прежде: не страх, а уважение. И ещё — доверие, которое она не заслужила.

— Я приду, — сказал он.

Дариэн накрыла его руку своей.

— Что чувствует душа?

Аэрон помедлил.

— Тоску. Словно мир потускнел, и мне предстоит скорбеть по каждому, кого я встречал.

— Такие раны оставляют следы глубже, — Дариэн сжала его пальцы. — Но ты справишься. А если это помешает службе — я буду неподалёку.

В восточной галерее она почти столкнулась с Килианом. Принц выглядел скорее следопытом, чем наследником престола.

— Дариэн. У нас несколько месяцев до выступления. Таэль и Рэйвен уехали на север, поэтому обучать тебя стрельбе будет Амрис. А мечом — я. Завтра на рассвете.

Он помолчал, разглядывая её.

— Я не сделаю из тебя воина за два месяца. Но должна уметь защитить себя, не полагаясь на нас.

Из-за поворота бесшумно вышел Амрис.

— Как раз о тебе говорили, — усмехнулся Килиан. — Дариэн предстоит подготовка. Я беру меч, ты — лук.

Амрис склонил голову.

— Если госпожа не против, я буду рад. Но сначала оценю, что она умеет.

— Завтра, — отрезал Килиан и направился по делам.

Амрис прошептал так, что услышала только она:

— Никакой пощады, Дариэн. На тренировках.

Он смотрел на неё с привычным достоинством, но в уголках губ затаилась искорка.

— Стрелы не станут отклоняться из уважения к происхождению. А вы, надеюсь, не станете ожидать снисхождения. Завтра, после завтрака, у восточной стены.

Он сделал паузу, словно собираясь уйти.

— И ещё. Если Килиан решит, что после меча вам следует бежать до изнеможения — не верьте. Я предпочитаю, чтобы ученики сохраняли силы до конца урока.

— Весьма благородно, ваше высочество, — фыркнула она.

Дариэн уже собиралась развернуться, но заметила на его плаще застрявший кленовый лист. Движение вышло быстрее мысли — она протянула руку и сняла его.

Пальцы коснулись грубой шерсти. Амрис замер.

Взгляд принца опустился на лист, затем поднялся к её лицу. В его глазах мелькнуло не возмущение, а изучающее удивление. Он не отступил.

— Вы избавили меня от опасного противника, — произнёс он. — Осенние листья нападают без предупреждения.

Дариэн протянула лист. Амрис принял его осторожно, так, чтобы их пальцы не соприкоснулись.

— Благодарю, госпожа Дариэн.

Он произнёс титул без прежней холодности. Затем, к её изумлению, вложил лист в складку плаща, словно намереваясь сохранить, и направился к лестнице.

У арки обернулся.

— Отдохните сегодня. Завтра выясню, насколько опасны вы с луком.

Когда он скрылся, Дариэн поняла: лист остался при нём.

Утро выдалось прохладным. Дариэн стояла на поле, когда солнце только начало путь по небосводу. На стойке лежали два деревянных меча. Она ждала Килиана.

Он появился ровно в назначенное время.

— Сегодня хочу увидеть, чему тебя научили. Не пытайся впечатлить. Просто сражайся.

Дариэн пошла в атаку первой. Удар был быстрым, но Килиан без труда отвёл клинок. Она использовала гибкость, несколько раз заставила его отступить, но в решающий момент он развернул запястье и остановил её меч.

— Хорошо. Ты не забываешь думать.

В следующий миг он перестал уступать. Серия ударов заставила её отступить, защита раскрылась — Килиан подсёк клинок. Меч вылетел из пальцев.

Дариэн почувствовала, как злость поднимается изнутри. Не на него — на себя. Она знала, что делать. Знала, как двигаться. Но тело не успевало за мыслью, и это было хуже любого поражения.

— Первый урок. Даже если знаешь, что делать, усталость и один неверный угол решают исход.

Вторая схватка оказалась тяжелее. Дариэн следила за его плечами, уходила с линии удара. На мгновение они сравнялись. Килиан впервые улыбнулся.

— Лучше.

Но последний удар оказался тяжёлым: руки дрогнули, он снова выбил оружие. На этот раз протянул руку, помогая восстановить равновесие.

— Достаточно. Для первого утра немало.

Дариэн присела на траву. Килиан протянул флягу.

— Пей. И не доказывай, что можешь больше, чем требуется.

— Я хочу научиться. Должна.

Он опустился на корточки.

— Что понравилось: ты не паниковала, когда я теснил. Но скажи честно: готова к тому, что нас ждёт? Ты видела тьму Скорвена. Одно дело — лечить вернувшихся, другое — идти туда, откуда могут не вернуться.

— Килиан, — окликнула она. — Научи меня защищать других. Не только себя.

Он медленно обернулся.

— Тогда придётся учиться тому, чему не учат на площадках. Защищать — не значит побеждать каждого. Иногда придётся выбирать: прикрыть Аэрона собой или дать ему уйти.

Он посмотрел в сторону лечебного крыла.

— Научу держать противника на расстоянии, закрывать того, кто не может сражаться, замечать опасность. Но ещё научу отступать, если это даст шанс выжить. Не позволю спутать храбрость с готовностью погибнуть.

— С чего взял, что я готова погибнуть?

— С того, что способна отдать всё за жизнь другого.

Килиан протянул деревянный меч.

— Завтра начнём с защиты другого. А теперь иди завтракать.

Дариэн взяла меч. И на мгновение — всего на мгновение — ей показалось, что она не хочет идти завтракать. Что она хочет остаться здесь и ещё раз попробовать. Ещё раз. И ещё. Пока не перестанет промахиваться.

Она отогнала эту мысль. Но она осталась где-то на краю сознания, как заноза.

В столовой её ждал Амрис.

— Полагаю, Килиан уже приступил к угрозам, — заметил он, отодвигая стул. — Как прошла тренировка? И прежде чем ответите: не спрашиваю, сколько раз он сбил вас с ног.

— Сегодня могла лишиться трёх рук и четырёх ног.

Амрис замер с чашкой у губ, затем в глазах мелькнуло веселье.

— Впечатляет. Садитесь. Если завтра собираетесь лишиться ещё нескольких конечностей на моём уроке, разумно начать с завтрака.

Он устроился напротив.

— Если серьёзно: Килиан редко тратит время на тех, в ком не видит смысла. Я видел, как вы держались на Совете. Не пытались казаться бесстрашной — это достойно уважения. Но на стрельбище буду смотреть не на решимость, а на руки, стойку, умение сохранять спокойствие.

Дариэн отпила чай.

— И да. На полигоне не до бесед. Не буду галантен.

— Буду иметь в виду, ваше высочество, — хмыкнула она.

Амрис кивнул. На мгновение его взгляд скользнул к её руке — той самой, которой она сняла лист с его плаща. Он ничего не сказал, но в уголках его губ мелькнуло что-то, похожее на улыбку.

— Тогда до завтра. У восточной стены, после завтрака.

Он поднялся, но у дверей остановился.

— И ещё. Не позволяйте Килиану убедить, что боль в мышцах — единственный признак хорошей тренировки. Иногда это просто признак, что наставник увлёкся.

Он вышел, оставив лёгкий запах лесных трав.

Дариэн ещё несколько секунд смотрела на закрытую дверь. А затем поймала себя на мысли, что ждёт завтрашнего утра — не потому, что хочет научиться стрелять. А потому, что хочет увидеть, как он смотрит на неё, когда говорит о руках, стойке и спокойствии.

Глава 5. Соль и песок

После интенсивной тренировки Дариэн обессиленно упала на кровать и провалилась в глубокий сон.

Сначала не было ничего. Только темнота, ровная и тихая, как поверхность воды в безветренный день. А затем появился звук — не водопад, не ветер, не голоса слуг. Что-то глубже. Мерный, тяжёлый шорох, будто кто-то пересыпал песок с ладони на ладонь.

Дариэн открыла глаза.

Она стояла на белоснежном песке. По морю вдаль уходили корабли на белых парусах. Сотни кораблей. Их силуэты постепенно растворялись в тумане, оставляя после себя лишь лёгкий след на воде.

Ветер развевал её длинные русые волосы, принося запах солёной воды и морские брызги.

Дариэн обернулась. Недалеко от неё на большом валуне сидел мужчина.

Он был высок и крепко сложен. И прекрасен. Невероятно прекрасен. В его красоте было что-то величественное и древнее. Тёмные волосы ниспадали на плечи, а янтарные глаза смотрели вслед уходящим кораблям.

Но не это заставило её замереть.

Вокруг него двигались тени. Не отбрасываемые — живые. Они стелились по песку у его ног, тянулись к воде, обвивали валун, на котором он сидел. Когда он поднимал руку, они следовали за ней. Когда опускал — замирали. Они не были угрозой. Они были частью его — как дыхание, как пульс, как взгляд.

Дариэн почувствовала холод. Не от ветра с моря. От них.

Она не знала, что это. Не знала, как это возможно. Но впервые за долгое время — возможно, впервые в жизни — она почувствовала, что смотрит на что-то, чего не может объяснить. Не тьму. Не свет. Что-то третье. Древнее. Живое.

Мужчина не сразу заметил её присутствия.

Он сидел неподвижно, опираясь ладонями о холодный камень, и смотрел на корабли. Белые паруса наполнял ветер, унося суда всё дальше от берега, туда, где море сливалось с небом. Над водой стоял крик чаек, а волны с тихим шорохом накатывали на белый песок.

В его лице не было ни гнева, ни отчаяния. Только тяжесть воспоминаний, слишком древних, чтобы время могло стереть их бесследно.

— Они уходят, — произнёс он наконец. — Всегда уходят.

Голос был низким, глубоким, с едва заметной хрипотцой. В нём звучала древняя речь, и каждое слово словно несло отзвук давно минувших эпох.

Мужчина повернул голову.

Его янтарные глаза остановились на Дариэн. И в этот миг что-то изменилось.

Тени у его ног дрогнули. Они потянулись к ней — медленно, осторожно, как собаки, почуявшие незнакомца. Но не коснулись. Остановились на полпути, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Мужчина чуть наклонил голову, и тени отступили. Не резко. С неохотой. Словно он приказал им — но не голосом, а чем-то другим. Тем, что было глубже слов.

Он не вскочил, не потянулся к оружию и не проявил удивления, какое мог бы испытать незнакомец, обнаруживший чужака на безлюдном берегу. Лишь взгляд стал пристальнее. Он изучал её лицо, русые волосы, черты, в которых, возможно, угадывал нечто знакомое, но давно утраченное.

Затем медленно поднялся с валуна.

Он был высок даже по меркам эльфов, широкоплеч, и двигался с той сдержанной уверенностью, которая приходит не от желания показать силу, а от многовековой привычки вла-

деть ею. Тёмные волосы трепал морской ветер. От него исходил тонкий запах дыма и мёда, совершенно неуместный среди солёного воздуха побережья.

Тени последовали за ним. Они стелились по песку, обвивали его сапоги, тянулись к воде — и снова возвращались. Они были везде. И в то же время — нигде. Стоило Дариэн попытаться разглядеть их, как они распадались на отдельные полосы света и тьмы, теряли форму, становились просто тенями от камней и облаков.

Она поймала себя на мысли, что не может отвести от них взгляд. И что они, кажется, тоже смотрят на неё.

Мужчина остановился на некотором расстоянии, не пытаясь сократить его без разрешения.

— Странно, — тихо сказал он, скорее самому себе.

Его взгляд на мгновение скользнул к морю, где последние корабли уже почти исчезли за горизонтом.

— Столько лет я возвращался сюда в своих воспоминаниях. И ни разу берег не приводил ко мне никого.

Он снова посмотрел на Дариэн. В янтарных глазах теперь было нечто большее, чем простое любопытство. Словно он услышал отдалённый зов, который не мог объяснить, и не доверял собственному слуху.

— Скажи мне, прекрасная эльфийка... — Он слегка склонил голову. — Ты знаешь, где мы?

Ветер усилился, принося с моря прохладу. На мгновение шум волн стал громче, будто весь мир затаил дыхание в ожидании её ответа.

Мужчина ждал. В его осанке не было ни покорности, ни угрозы — только терпение того, кто привык задавать вопросы и не боится услышать ответ.

— В моем сне... — ответила Дариэн. — Но мне никогда не снилось море. Я ни разу не видела моря.

Она сказала это — и только тогда заметила, что тени снова шевельнулись. Едва заметно. Словно её слова что-то значили для них. Для него.

Мужчина долго смотрел на неё, а затем медленно перевёл взгляд на бескрайнее море.

— Никогда не видела моря... — повторил он.

На его губах появилась едва заметная улыбка, но глаза остались серьёзными.

— Тогда твой разум обладает удивительным воображением. Или это вовсе не твоё воображение.

Он произнёс последнюю фразу негромко, почти задумчиво. Затем спустился с валуна и остановился у самой кромки воды. Волна коснулась его высоких сапог и отступила, оставив на песке тонкую пенную кайму.

Тени скользнули за ним, но у самой воды остановились. Словно не хотели касаться моря.

— Это Белое Море. А берег, на котором мы стоим, помнит то, о чём многие предпочли бы забыть.

— Ты говоришь о войне?

— О многих войнах. Я родился на побережье, к западу отсюда, — произнёс он. — В королевстве, которого больше нет. Когда-то это был край рыбаков и мореходов, а не воинов. Но пришла война, и сотни кораблей ушли от наших берегов — на восток, туда, где тьма поднималась над землями. Они не вернулись.

Он замолчал, глядя вслед последним парусам. На миг в его лице проступила такая глубокая печаль, что она словно преобразила его красоту, сделав её суровой и почти пугающей.

— Я был молод. Я хотел защитить свой дом. Я думал, что если мы победим там, то сюда война никогда не придёт. Я собрал свой отряд и ушёл вместе с остальными. — Он помолчал.

— Мы победили. Но когда я вернулся, моего королевства уже не было. Остались только пепел, пустые дома и ветер над водой.

— Кто ты? — спросила девушка.

— Меня зовут Рейнар.

Имя прозвучало просто, без титулов и перечисления заслуг. Но в его голосе чувствовалась древность, которую невозможно было спутать с возрастом обычного эльфа.

Он сделал несколько шагов вдоль берега, не приближаясь к ней. Тени следовали за ним, но теперь Дариэн заметила: они не касались её следов на песке. Словно обходили их. Словно она была чем-то, чего они не должны трогать.

— А ты, Дариэн, дочь Эрестора и Мириэль, воспитанница Талана, целительница, которая коснулась тьмы, оставленной безликими слугами Малахара, и не позволила ей поглотить раненого.

Он знал её имя.

И знал об Аэроне.

Дариэн почувствовала, как холод пробежал по спине. Не от теней. От того, как легко он это произнёс. Словно наблюдал за ней давно. Словно знал больше, чем говорил.

Рейнар посмотрел на неё уже без улыбки. В янтарных глазах вспыхнуло нечто новое — настороженность, смешанная с почти болезненным интересом.

— Скажи мне одну вещь. Когда ты коснулась той тьмы, что-то ответило тебе изнутри? Не боль. Не страх. Что-то древнее, что ты не смогла объяснить?

Он не требовал ответа и не пытался проникнуть в её мысли. Просто ждал, пока волны накатывали на берег, а за горизонтом исчезали последние белые паруса.

— Откуда ты... — вопрос застыл на губах Дариэн.

Рейнар заметил, как оборвался её вопрос. На его лице не появилось торжества — скорее, тень сожаления, будто он понимал, насколько тревожным должно быть подобное знакомство.

— Откуда я знаю твоё имя? — негромко уточнил он.

— Откуда ты знаешь моё имя, откуда ты знаешь про рану? — спросила девушка, но сама нашла ответ на свой вопрос. — Это не может быть реальностью.

Он повернулся к морю, провёл рукой по тёмным волосам, отбрасывая их с лица. Ветер трепал его одежду, но казалось, мужчина почти не замечал холода.

— Я не следил за тобой, Дариэн. До той ночи я даже не знал о твоём существовании.

Он выдержал короткую паузу.

— Но когда ты прикоснулась к той тьме, она отозвалась. Тебе. Я почувствовал это далеко отсюда, словно в глубине старого потухшего камина внезапно вспыхнула искра.

Тени вокруг него снова шевельнулись. На этот раз — сильнее. Они потянулись к Дариэн, и на мгновение ей показалось, что они вот-вот коснутся её. Но Рейнар чуть повернул голову, и они замерли. Остановились. Отступили.

Он сделал это не рукой. Не словом. Просто захотел — и они подчинились. И от этого Дариэн стало не по себе сильнее, чем от их первого появления.

Рейнар снова посмотрел на неё. Его янтарные глаза внимательно изучали её лицо, но он не пытался приблизиться.

— А теперь мы встретились здесь, и я вижу то, чего не ожидал увидеть.

— Что же это?

Он слегка нахмурился, словно подбирая слова, которым сам не вполне доверял.

— В твоей крови есть нечто древнее. Старше многих королевских домов этого мира. Возможно, старше самих историй, которые рассказывают о них.

— Звучит слишком хорошо для того, чтобы быть правдой, — усмехнулась эльфийка.

Волна разбилась о камни. На мгновение между ними повис только шум прибоя.

— Я не знаю, кем ты станешь, Дариэн. И не стану утверждать, будто знаю твою судьбу. Но если тьма вновь потянется к тебе, я хотел бы понять, почему.

Он чуть склонил голову — не как правитель перед подданной, а как воин, признающий перед другим воином, что ему недостаёт ответов.

— А теперь, полагаю, настала твоя очередь задавать вопросы.

Дариэн не сразу нашлась с ответом. Слишком многое в словах незнакомца не поддавалось объяснению: он знал её имя, имена её родителей, знал о ране Аэрона и о том, что произошло в лечебнице. И всё это — во сне, который ощущался пугающе настоящим.

Она посмотрела на море, затем вновь на мужчину.

— Ты говоришь так, будто наблюдал за мной всю жизнь. Но утверждаешь, что до сегодняшней ночи не знал о моём существовании. Как это возможно?

Рейнар чуть склонил голову. Вопрос его не удивил.

— Потому что я не наблюдал за тобой. Я почувствовал тебя.

— Это должно меня успокоить?

На этот раз в его глазах мелькнуло веселье. Не насмешливое, а живое, неожиданно тёплое.

— Нет. Полагаю, это должно заставить тебя задать ещё несколько вопросов.

— Тогда начнём с простого. Кто ты такой на самом деле?

Улыбка исчезла.

Рейнар отвернулся к морю. Некоторое время он молчал, и в этой тишине чувствовалось, что ответ для него не так прост, как могло показаться.

— Я совершал поступки, за которые не могу просить оправдания. И совершал другие, о которых не жалею, хотя они стоили мне слишком дорого.

Дариэн помрачнела.

— Я пытался остановить их, прежде чем кровь пролилась. Но когда началась битва, я тоже взялся за оружие. — Его голос оставался ровным, однако пальцы медленно сжались на колене. — Я мог бы сказать, что был молод, что был верен своему дому, что не желал смерти тех, кто пал. Всё это было бы правдой. И всё это ничего не изменило бы для мёртвых.

Он не отвёл взгляда.

— Раскаяние не возвращает погибших. Оно лишь обязывает тебя помнить, что ты сделал, и не повторять этого.

Дариэн молчала. Впервые с момента встречи древний эльф казался не загадкой из чужого сна, а человеком, который нёс собственное прошлое, не пытаясь ни скрыть его, ни заставить других принять его оправдания.

— И после всего этого ты всё ещё хочешь защищать этот мир? — спросила она.

— Да.

— Почему?

Рейнар поднялся. Его лицо стало суровее. Тени за его спиной вытянулись, словно тоже слушали.

— Потому что я знаю, что происходит, когда зло оставляют без ответа. Я видел, как страх превращает свободных людей в рабов, как целые народы привыкают склонять головы, пока не забывают, что когда-то могли стоять прямо. Я видел, как Малахар называет покорность порядком, а собственную фанатичную идею геноцида — необходимостью.

Он произнёс имя с холодным презрением.

— Я не позволю ему превратить этот мир в ещё одну свою пустыню.

— Ты очень уверен в себе для того, кто признаёт, что может ошибаться.

— Я уверен в том, что должен делать. Это не одно и то же, что быть уверенным в собственной правоте.

Он чуть улыбнулся.

— Ты задаёшь неудобные вопросы, целительница.

— А ты слишком охотно на них отвечаешь для незнакомца.

— Возможно, я давно не разговаривал с кем-то, кто не пытался бы либо использовать меня, либо убедить в моей неправоте ещё до того, как я открыл рот.

— Неужели за все эти годы ты не нашёл никого достойного беседы?

— Нашёл. Но немногие из них умеют слушать и спорить одновременно.

В его голосе появилась мягкость, и Дариэн невольно заметила, насколько легко он переходил от суровой серьёзности к почти непринуждённому тону. Он не пытался очаровать её каждой фразой. Казалось, ему действительно было интересно, что она скажет дальше.

Дариэн посмотрела на свои ладони.

— Ты говорил о моей крови. Что именно ты почувствовал, когда я исцеляла Аэрона?

Рейнар перестал улыбаться.

— Свет.

Она подняла глаза.

— Целительный свет эльфов?

— Я почувствовал свет, который сопротивлялся тьме, хотя ты сама, вероятно, считала, что просто делаешь то, чему тебя учили.

— Я действительно делала то, чему меня учили.

— Верю.

Он сказал это так просто, что Дариэн нахмурилась.

— Тогда почему ты говоришь о моей крови, словно она делает меня кем-то особенным?

— Потому что я чувствую в тебе нечто, чего не встречал очень давно. Но я не знаю, что оно означает. И не собираюсь придумывать ответ лишь ради того, чтобы выглядеть всезнающим.

Он сделал шаг ближе, затем остановился, заметив, как ветер поднял прядь её длинных волос.

— Я мог бы сказать, что в тебе заключена великая сила. Что тебе суждено изменить ход войны. Что наши пути пересеклись не случайно.

— Но ты этого не скажешь?

— Нет. Судьба — слишком удобное оправдание для тех, кто хочет распоряжаться чужой жизнью.

На этот раз Дариэн посмотрела на него иначе.

— Ты всегда был таким?

Рейнар тихо рассмеялся. Смех оказался неожиданно низким и тёплым.

— Нет. Когда-то я был гораздо более невыносимым.

— Трудно представить.

— Не сомневаюсь.

На мгновение между ними возникло редкое чувство лёгкости. Затем Рейнар вновь посмотрел на море, и выражение его лица изменилось.

Последние корабли исчезли за горизонтом.

— Дариэн, я должен предупредить тебя ещё об одном.

— О чём?

— Этот сон не принадлежит тебе целиком.

Она замерла.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не создавал этот берег. Не море, не корабли. Это место существует в моей памяти. Я возвращался сюда снова и снова, и сегодня впервые почувствовал здесь кого-то ещё.

Он повернулся к ней, и янтарные глаза стали почти золотыми в свете восходящего солнца.

— Я не знаю, почему ты оказалась здесь. Не знаю, почему именно ты смогла услышать меня. Но теперь, когда я нашёл тебя, я не стану делать вид, что ничего не произошло.

— И что ты собираешься делать?

— Узнать правду.

— А если я не захочу иметь с тобой ничего общего?

Рейнар посмотрел на неё долго и серьёзно.

— Захочешь, девочка.

Он помолчал.

— Но, если однажды ты решишь, что хочешь узнать больше, я отвечу на твои вопросы. Насколько смогу.

Море вдруг изменилось. Ветер стих, волны отступили, оставляя песок сухим и гладким. Белый свет на горизонте стал ярче, словно солнце поднималось не над морем, а прямо из глубины мира.

Рейнар заметил это первым. Его лицо напряглось.

— Время.

— Что происходит?

— Ты просыпаешься.

— Подожди. Я ещё не закончила задавать вопросы.

В его взгляде мелькнуло сожаление, но он не попытался удержать её. Вместо этого он назвал её имя — негромко, отчётливо, словно хотел, чтобы она запомнила не только звучание, но и самого говорившего.

— Дариэн.

Он чуть склонил голову.

— В следующий раз, если ты снова окажешься здесь, расскажи мне, что ты знаешь о своей семье. Не о её титуле и не о её положении при дворе. О тех историях, которые твои родители никогда не рассказывали при посторонних.

Свет стал ослепительным.

Последнее, что Дариэн успела увидеть, — Рейнар, стоящий на белом берегу с руками, свободно опущенными вдоль тела. Тени вокруг него больше не двигались. Они замерли, словно тоже смотрели на неё. Словно запоминали.

Он не тянулся к ней, не пытался приблизиться. Только смотрел вслед, пока очертания его фигуры не растворились в золотистом сиянии.

А затем исчезло и море.

Дариэн проснулась в своих покоях Талиона.

За окнами ещё царила предрассветная прохлада. Тяжёлые шторы едва заметно колыхались от ветра, а в комнате пахло воском, чистым бельём и осенними травами.

Сон оставил после себя странную ясность. Она помнила каждое слово, каждый взгляд, солёный вкус морского воздуха и запах дыма с мёдом, который никак не мог принадлежать настоящему человеку, сидевшему рядом с ней.

Но самым тревожным было другое.

На подоконнике лежали несколько песчинок. Белоснежных. Совсем крошечных, почти незаметных на тёмном дереве. Море было в двух неделях пути от Талиона, и морской песок не могло принести ветром.

И всё же он там был.

За дверью послышались шаги, затем осторожный стук.

— Войдите, — отозвалась Дариэн, наскоро запахивая пушистый халат.

На пороге появилась Селена. В руках она держала поднос с дымящимся чайником.

— Доброе утро. Я надеялась, что ты проснулась, — мягко произнесла она, входя и притворяя дверь. — Ты вчера выглядела измученной после тренировок. Но сейчас... — она нахмурилась, — похоже, ты и вовсе не спала.

Селена поставила поднос на столик. Её взгляд скользнул по подоконнику и застыл.

Она подошла ближе, наклонилась и осторожно коснулась крошечной белой крупинки на тёмном дереве.

— Песок, — тихо сказала она. — Дариэн, откуда в Талионе морской песок?

Дариэн горько усмехнулась.

— Ты всё равно не поверишь, если я скажу, что ничего не помню.

Она рассказала подруге о сне. О белом берегу, уходящих кораблях и древнем эльфе с янтарными глазами. Селена слушала молча. По мере рассказа привычное спокойствие на её лице сменялось напряжением. Когда Дариэн упомянула имя Рейнара, Селена замерла с чашкой в руках.

— Рейнар, — медленно повторила она. — Я слышала это имя в старых преданиях. Но никогда не думала, что услышу его от тебя.

Она отставила чашку и подошла к окну, глядя на песчинку.

— Я не знаю, как он сумел войти в твой сон. Но если он тот, за кого себя выдаёт, перед тобой не просто древний эльф. Он принадлежит эпохе, о которой даже наши песни рассказывают лишь часть правды.

Селена обернулась, и в её взгляде читалась тревога.

— Меня беспокоит не его сила. Меня беспокоит то, что он знает о тебе вещи, которых ты сама не знаешь.

Она подошла и мягко коснулась руки Дариэн.

— Скажи мне одно. Не то, что он говорил о твоей крови или судьбе. Что ты почувствовала рядом с ним?

Дариэн опустила взгляд.

— Спокойствие. Невероятное, почти пугающее спокойствие. Как будто он был...честным и сильным защитником.

— Иногда именно это пугает сильнее всего, — тихо сказала Селена. — Не явная угроза, а чувство безопасности рядом с тем, кого ты совершенно не знаешь.

Она убрала с плеча подруги выбившуюся прядь.

— Но спокойствие не означает, что ему можно слепо доверять. И всё же мне не нравится, что он оставил след в твоём мире, не спросив тебя об этом. Твои сны принадлежат тебе, Дариэн. Если он намерен возвращаться, он должен понять: ты не загадка, которую ему позволено разгадывать по собственному желанию.

Селена слегка сжала её руку.

— Я поговорю с отцом. Осторожно. Талан знает древние истории лучше всех нас, и он не станет превращать догадки в истину. А ты пока не позволяй этому отнять у тебя весь день.

В её глазах мелькнуло мягкое лукавство.

— У тебя тренировка с Амрисом. Было бы досадно, если бы ты явилась на урок, думая исключительно о другом эльфе.

Дариэн слабо улыбнулась.

— Спасибо, Селена. Мне правда пора, а то эльфийский принц от меня мокрого места не оставит.

Селена тихо рассмеялась и обняла её за плечи.

— Не думаю, что Амрис настолько жесток. По крайней мере, без веской причины. Постарайся не соревноваться с ним в упрямстве.

Она поправила складку на халате подруги и направилась к двери.

— Увидимся за обедом. И, Дариэн... — она задержала взгляд. — Если ночью снова увидишь море, не забывай, что утром тебя ждёт настоящий мир. Со всеми его заботами, друзьями и совершенно невыносимыми принцами.

Глава 6. Секрет у водопада

Придя на полигон, Дариэн обнаружила вместо Килиана Амриса. В руках у него были два деревянных меча.

— Килиан уехал с Таланом, — пояснил принц, протягивая ей оружие. — Попросил подменить.

Дариэн взяла меч. На мгновение ей показалось странным, что Килиан попросил именно Амриса — не кого-то из своих людей, не Вайрона. Но она не стала спрашивать.

Бой с Амрисом не был похож на грубые схватки с Килианом. Это был почти грациозный танец. Дариэн стремительно нападала, Амрис легко уходил от ударов, парируя их с пугающей точностью.

В какой-то момент Дариэн пошла в ложную атаку, резко сменила направление, подбила его клинок снизу и, используя инерцию, толкнула принца в плечо.

Амрис потерял равновесие и рухнул на траву. Дариэн мгновенно оказалась сверху, приставив деревянный клинок к его горлу.

На несколько мгновений мир замер.

Амрис лежал на спине, тяжело дыша. Несколько светлых прядей выбились из узла и упали на лоб. Его ладони лежали на её бёдрах. Большие пальцы едва заметно двигались по коже у края камзола, словно он сам не вполне осознавал, что делает. В его голубых глазах исчезла холодная ясность наставника. Осталось только напряжённое, почти ошеломлённое внимание.

— Полагаю, — произнёс он хрипло, — мне придётся признать, что ты владеешь мечом лучше, чем я предполагал.

Расстояние между их лицами было опасно малым.

— Думаю, тебе стоит сказать Килиану, что я умелая ученица, — смутилась она.

Амрис медленно выдохнул. Его взгляд скользнул по её губам.

— Не в полной мере. Идём, — хрипло сказал он, поднимаясь и протягивая ей руку. — Пока кто-нибудь не решил, что принц Миртона проиграл тренировочный бой и теперь вынужден скрываться в траве от собственной ученицы.

Дариэн приняла его руку. Пальцы Амриса на мгновение задержались на её ладони. Его кожа была горячей.

— Завтра, — добавил он тише, — я хотел бы пригласить тебя на прогулку. Без луков, мечей и разговоров о том, как правильно держать равновесие.

— Я с удовольствием прогуляюсь с тобой, — ответила она. — Хочешь, покажу тебе моё самое любимое место во всём Талионе?

На лице Амриса появилось выражение неподдельного удивления, быстро сменившееся тёплой, почти уязвимой улыбкой.

— Конечно, хочу. Мне хотелось бы увидеть то, куда ты приходишь, когда тебе не нужно ни перед кем быть госпожой Дариэн.

На следующее утро Амрис пришёл на площадку вовремя. Когда занятие закончилось, он не стал задерживать Дариэн дополнительными упражнениями.

— На сегодня достаточно, — объявил он, убирая стрелы. — Не хочу, чтобы ты решила, будто пригласил тебя на прогулку только для того, чтобы продолжить урок в другом месте.

Он накинул на плечи зелёный плащ и повернулся к ней.

— Итак, госпожа Дариэн. Я готов следовать за тобой. Но предупреждаю: если твоё любимое место окажется вершиной отвесной скалы, мне придётся задать несколько вопросов о твоём представлении об отдыхе.

Он протянул ей руку. Не как наставник. Просто приглашая идти рядом.

Дариэн повела его по лесным тропинкам, пока они не вышли к небольшому озеру, скрытому от посторонних глаз. С невысоких скал ниспадал водопад, рассыпаясь серебряными нитями. Берег был усыпан цветами, а ивы и кусты жимолости сплетались в живой шатёр.

Амрис вышел на поляну следом за ней и замер. Впервые за всё утро он ничего не сказал.

— Теперь я понимаю, почему ты не захотела рассказывать мне об этом месте заранее, — произнёс он наконец тихо, почти с благоговением. — Есть места, красота которых становится меньше, когда о ней слишком много говорят.

Он спустился к воде и присел, коснувшись поверхности кончиками пальцев.

— В Миртоне есть рощи, где деревья старше многих королевств, — сказал он, не оборачиваясь. — Я думал, что знаю, как выглядит лесное уединение. Но здесь всё иначе. В твоём лесу даже тишина кажется другой.

Он поднялся и посмотрел на неё.

— Ты приходишь сюда одна?

— Когда я была ребёнком, я обнаружила эту поляну и прибегала сюда со своими секретами, — улыбнулась Дариэн. — И сейчас я хочу разделить его с тобой, Амрис.

Она подошла к кромке воды, сбросила сапоги, подвернула брюки и по щиколотку зашла в прохладное озеро.

— Тогда я постараюсь быть достойным доверия, — сказал он.

Он оставил плащ и сапоги на траве, закатал штанины и вошёл в воду рядом с ней. Холод заставил его слегка выдохнуть.

— Теперь я понимаю, почему ты не предложила мне искупаться в первый же день нашего знакомства, — он повернулся к ней, и в его глазах блеснула улыбка. — Хотя, если ты собиралась проверить, насколько хорошо принц Миртона переносит холодную воду, должна признать: способ довольно коварный.

— Не зазнавайся, Амрис. Просто ты пока не успел меня достаточно разозлить, чтобы я передумала.

Вскоре их прогулка превратилась в совершенно несерьёзное сражение посреди озера. Амрис двигался удивительно быстро, но Дариэн знала местность лучше и пару раз сумела застать его врасплох.

Когда она наконец рассмеялась так искренне, что на мгновение забыла о следующей атаке, Амрис воспользовался заминкой и оказался совсем рядом. Оба промокли. Несколько тёмных прядей прилипли ко лбу принца, а на лице Дариэн блестели капли воды.

Амрис посмотрел на неё, и улыбка на его губах стала тише.

— Вот, — сказал он. — Теперь я наконец вижу ту Дариэн, которую ты не показываешь за обеденным столом.

— И какая же она?

— Опасная. Самоуверенная. И совершенно не умеющая признавать поражение.

— Ты описал себя, а не меня.

— Возможно. — Его взгляд задержался на её лице. Шутка исчезла, уступив место внезапной серьёзности. — Но мне нравится эта твоя сторона.

Дариэн на мгновение замолчала, встретившись с ним глазами. В шуме водопада его слова прозвучали гораздо интимнее, чем он, вероятно, собирался.

— Тогда тебе придётся чаще приглашать меня на прогулки, — улыбнулась она чуть мягче.

Амрис протянул ей руку, помогая выбраться на берег, но отпускать не спешил. Ветер шевельнул мокрые пряди у её лица. Он осторожно убрал прилипшую к щеке золотистую прядь за ухо.

— Дариэн.

В его голосе исчезла насмешка.

— Что? — спросила она, подняв на него глаза.

— Ты слишком часто заставляешь меня забывать, что я собирался сказать.

Его взгляд задержался на её губах — и на этот раз он не стал притворяться, будто ничего не произошло. Амрис шагнул ближе. Между ними осталось совсем немного места.

— Если ты сейчас отойдёшь, я позволю тебе, — тихо сказал он. — Но предпочёл бы, чтобы ты осталась.

Он коснулся пальцами её щеки и наклонился. Поцелуй оказался совсем не таким, каким можно было представить по его безупречным придворным манерам. Амрис целовал уверенно, без робких колебаний, но оставляя ей возможность ответить. Сначала легко, словно давая последний шанс передумать, а затем чуть крепче, когда она не отстранилась.

Его рука легла ей на талию, притягивая ближе. Холодная вода осталась где-то позади; мир словно сузился до тепла его губ.

Когда он наконец отстранился, его лоб почти касался её лба.

— Что ж, — произнёс он негромко. — Пожалуй, эта прогулка оказалась полезнее тренировки. И прежде чем ты спросишь: нет, я не собираюсь извиняться.

— Тебе придётся извиниться, Амрис.

— За что же?

— За то, что медлишь со вторым поцелуем.

Она привстала на цыпочках и поцеловала его сама. Нежно и трепетно, положив ладони ему на грудь. Под тонкой тканью туники она чувствовала ровный, сильный удар его сердца. Амрис тихо усмехнулся ей в губы и ответил на поцелуй. На этот раз он не ограничился осторожным прикосновением. Его рука скользнула к затылку, бережно удерживая её, пока он сам углублял поцелуй — неспешно, но с уверенностью того, кто наконец перестал спорить с собственным желанием.

Когда они отстранились, в его глазах плясали солнечные блики.

— Ты совершенно невыносима, госпожа Дариэн, — он провёл пальцами по её волосам. — И, боюсь, мне это нравится.

Он наклонился и оставил ещё один короткий поцелуй у уголка её губ.

— Что касается извинений… Придётся придумать что-нибудь убедительнее слов. Пойдём, — нехотя отступая на шаг, произнёс он. — Пока я не решил, что нам совершенно незачем возвращаться.

Он протянул ей руку, но тут же добавил, чуть понизив голос:

— И, Дариэн. Давай оставим этот поцелуй здесь. На поляне.

Дариэн замерла. Улыбка медленно сползла с её лица.

— Разумеется, ваше высочество, — ледяным тоном ответила она. Она высвободила руку и решительно двинулась прочь с поляны.

— Постой, Дариэн!

Амрис догнал её в несколько быстрых шагов. В его голосе впервые за всю прогулку прозвучало настоящее раздражение — преимущественно на самого себя.

— Ты неправильно меня поняла. — Он осторожно поймал её за руку. — Я имел в виду, что это место принадлежит только нам. Здесь нет двора, чужих взглядов и обязательств. Я не хочу, чтобы наш поцелуй завтра стал предметом обсуждения за завтраком.

Он нахмурился, подбирая слова, что давалось ему явно неохотно.

— Я не отказываюсь от поцелуя, Дариэн. И от тебя тоже.

Она подняла на него глаза. В её взгляде было недоверие и обида.

— Я подумала, что… что это очередной поцелуй в коллекции принца Миртона. Знаешь, про тебя и твои… любовные похождения ходят слухи.

Улыбка медленно исчезла с лица Амриса. Он коротко выдохнул и провёл рукой по влажным волосам.

— Любовные похождения, значит. Удивительно, как много успевают придумать те, кто никогда не был со мной в одной постели.

Он произнёс это с такой невозмутимостью, что мог бы обсуждать погоду. Но затем шагнул ближе, и взгляд его стал жёстким.

— Я не стану утверждать, что никогда не разделял с кем-либо постель. Я жил достаточно долго, Дариэн. И никогда не давал обещаний, которых не собирался исполнять. Но я не привык целовать женщину, а на следующий день делать вид, что не знаю её имени.

Он слегка склонил голову.

— Ты мне понравилась ещё на том ужине. А сегодня я привёл тебя сюда не ради очередной истории, которую можно будет рассказывать в тавернах. Я не прошу тебя верить слухам обо мне меньше. Я предлагаю судить меня по тому, как я обращаюсь с тобой.

Он протянул руку, но не коснулся её.

— Но не решай за меня, чем был этот поцелуй, Дариэн. Я сам знаю, что он для меня значит.

Дариэн посмотрела на принца. Обида в её глазах сменилась чем-то другим. Плечи чуть поникли, а в глазах заблестели слёзы. Вся её боевая готовность вдруг испарилась, оставив лишь усталость и уязвимость.

Амрис громко выдохнул.

— Иди ко мне.

Он прижал её к себе, ласково поглаживая по голове. Дариэн уткнулась лицом ему в грудь, и он крепче сомкнул руки у неё за спиной. Он не стал спрашивать, отчего у неё слёзы. Не стал требовать объяснений. Вместо этого наклонил голову и коснулся губами её мокрых волос.

— Вот так, — негромко произнёс он. — Ты ведь понимаешь, что мне гораздо труднее сражаться с тобой, когда ты молчишь?

Большим пальцем он бережно коснулся её щеки, собирая выступившую слезу.

— Я не умею обещать красивые вещи, Дариэн. И не стану говорить, будто знаю, что ждёт нас впереди. Но я не стану притворяться, что этот день ничего не значил.

Он укрыл её от прохладного ветра своим плащом. Некоторое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.